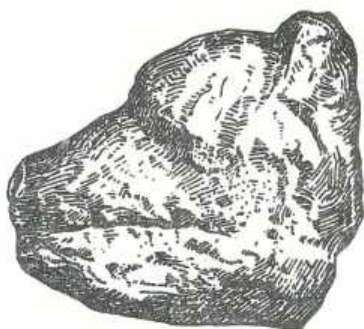

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. М. МАССОН

**ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

(вопросы палеоэкономики,
культурогенеза и социогенеза)

Санкт-Петербург 1996

1996

INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

V. M. MASSON

**PALAEOLITIC SOCIETY
OF EASTERN EUROPE**
(the questions of palaeoeconomy,
cultural and social genesis)

St.—Petersburg 1996

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.М.МАССОН

**ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**
(вопросы палеоэкономики, культурогенеза и
социогенеза)

Санкт-Петербург 1996

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
Вып. 35

ПЕЧАТАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА

Проект РГНФ 96-01-00004 *"Культурная трансформация и ранние комплексные общества Восточной Европы"*

ПЛАНИРУЕМЫЕ ИЗДАНИЯ:

Часть 1. В. М. Массон. "Палеолитическое общество Восточной Европы".

Часть 2. "Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла".

Часть 3. "Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла".

На обложке воспроизведена голова медведя из Костенок 1. Мергель.

Компьютерный набор — Н. А. Лазаревская,
рисунки — К. А. Матехин, верстка — Л. Б. Кирчо.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч. печ. л. 9.
Заказ № 634. Тираж 500 экз.

ООП Санкт-Петербургского комитета государственной статистики.
Лицензия № 69-74 от 27.10.1994.

ВВЕДЕНИЕ

Палеолитическая эпоха выделяется на основе археологической периодизации, как время изготовления каменных орудий в определенной технике и определенных типов, претерпевающих на протяжении этой эпохи заметную эволюцию. Практически в распоряжении этнографической науки нет поздних обществ, проходящих подобную ступень технологического развития, не говоря уже о том, и на это обращали внимание многие исследователи, что нередко группы племен, попавшие в природные изоляты, о которых хорошо писал индийский ученый Суббарао (Subbarao, 1958), как бы законсервировались в условиях гомеостаза архаичных производств и отношений. Древнейшие периоды человеческого общества в отечественной науке именовались по-разному. В одних случаях говорили об “эпохе камня”, в других о дородовом или первобытном обществе, как кстати и назывались книги основоположника российского палеолитоведения П. П. Ефименко (Ефименко, 1934; 1938; 1953). Вероятно, предпочтительно говорить именно о палеолитическом обществе, имея в виду те личности и коллективы, которые изготавливали каменные орудия и засыпали, к радости археологов, горами осколков свои стойбища и пещерные укрытия. Это исключительная сфера исследований археологической науки. Именно добываемые ею артефакты, от отщепы до полуземлянки, являются уникальными и единственными свидетельствами невообразимо далекого прошлого. Для их интерпретации, разумеется, привлекаются и будут привлекаться другие источники и другие науки, от этнографических аналогов моделей, позволяющих создавать гипотетические ретроспективные реконструкции генетического развития, до богатейшего арсенала естественных наук, восстанавливающих древнюю среду обитания и динамику экосистем. Однако, решающее значение имеют именно подлинные свидетельства жизнедеятельности общества отдаленного прошлого. И здесь особенно важны методы и приемы, вырабатываемые в сфере самой археологии. Именно таков метод трасологического анализа, разработанный С. А. Семеновым (Семенов, 1957) и настолько триумфально обошедший мировую науку, что появился даже соблазн переименовать его на английский манер *use-wear analysis*, в чем, не говоря уже о праве первооткрывателя, нет особой необходимости.

Современные исследователи достигли огромных успехов в изучении этой отдаленной эпохи, которая именуется палеолитом. В первую очередь, это касается основного вида археологических материалов каменного века — самих каменных орудий. Детальным образом, в том числе и с помощью экспериментов, изучена техника расщепления камня и изготовления самих орудий от грубых галечных до изысканно миниатюрных вкладышей для наборных рабочих лезвий, закреплявшихся в деревянных и костяных рукоятках. Палеолитчики едва ли не первые в археологической науке перешли на применение методов статистической обработки материала, основанной на детальнейшей классификации как самих орудий, так и элементов их оформления. В этом отношении решающее значение имели работы Франсуа Борда (Bordes, 1961), успешными последователями которых выступили многие ученые, в том числе и России. Этот подход с построением различных графиков и других аналитических таблиц позволил говорить о культурных взаимодействиях и различных традициях в изготовлении каменных

орудий, генетических связей разных кремневых индустрий. Эмпирически сложившиеся приемы изготовления орудий, которыми пользовались питекантропы и неандертальцы, получили неведомое архантропам математическое обоснование, и порой возникал вопрос — скрывается ли что-либо реальное за этой безукоризненной формализацией современных ученых, работающих во всеоружии логики и математики. Больших успехов добились исследователи, особенно английской и американской школы, в изучении взаимодействия природной среды и самих обществ, взятых в их динамическом взаимодействии (например: Gamble, 1985). Все эти разработки создают надежный фундамент для познания древнейшего прошлого человечества.

При опытах построения синтетической картины палеолитического общества определенное воздействие сыграл ряд факторов, не всегда оказывавшихся благоприятными для анализа специфики сложного и многообразного исторического процесса. Значительное воздействие оказывали, например, работы антропологов, увлеченно исследующих по костным останкам стремительную эволюцию человека как биологического вида. По их заключению, решающим рубежом здесь была эпоха позднего или верхнего палеолита, когда сформировался человек современного типа — кроманьонец или *Homo sapiens*, сменивший неандертальца, тяжелое звероподобное лицо которого обошло в реконструкциях многие издания. Естественно появился соблазн соответственно строить периодизацию и самого общества, образованного людьми различных биологических популяций. Наиболее ярким примером этого является часто реанимируемая теория т. н. “двух скачков”. Тем самым, с точки зрения автора этих строк, нарушался сам принцип построения периодизации истории общества, явно относящейся к сфере гуманитарных наук, тогда как в качестве критериев привлекались свидетельства не только другой науки, но даже науки другой группы научных знаний.

В настоящее время имеется ряд данных о том, что далеко не всегда можно говорить о жесткой связи антропологического облика и уровня развития общества, находящего отражение, в частности, в каменных орудиях. Известен опыт работников музея ФРГ, которые, одев реконструированную фигуру неандертальца в современный костюм, показывали соответствующие фотороботы окрестным жителям, которые узнавали в ней то местного почтальона, то соседского лавочника. Как писал один американский антрополог, если привести неандертальца с помощью прически и одежды в современный вид, едва ли кто-нибудь обратил бы на него внимание в нью-йоркской подземке (Howell, 1951).

Но есть и более строгие научные свидетельства. Кремневые индустрии Восточного Средиземноморья исследованы с поразительной детализацией, которая позволила выделить ряд технических традиций в их изготовлении. Здесь имеются и значительные антропологические материалы. При их сопоставлении оказалось, что в пору позднего палеолита здесь развивались и различные типы кремневых индустрий и жили популяции, различающиеся антропологическими чертами по сочетанию в них неандерталоидных и прогрессивных черт человека современного типа. Сходные различия наблюдались и в кремневых индустриях — в одних уже полностью господствовала развитая верхнепалеолитическая технология изготовления орудий, в других же были весьма ощутимы архаические приемы, восходящие к эпохе мустье, когда здесь повсеместно было распростра-

нено население неандертальского типа. Однако особой корреляции между архаическими индустриями и неандерталоидными чертами в облике людей не наблюдается. Прогрессивные индустрии порой оказывались делом рук людей, черты которых резко отличались от человека современного типа, и, наоборот, люди, уже утратившие неандерталоидность, сохраняли мустьерские традиции при изготовлении орудий (Палеолит Ближнего и Среднего Востока, 1978, с. 173 и сл.).

Автор настоящих строк не является специалистом по палеолиту, хотя и принимал участие в раскопках палеолитических стоянок. Вместе с тем, обращаясь к общим вопросам, ему приходилось в той или иной мере касаться материалов этой эпохи в интерпретационном аспекте (Массон, 1976; 1981; 1988; 1989; 1991; Masson, 1993). На некоторые аспекты таких интерпретационных возможностей хотелось обратить внимание в настоящей работе. Весьма полезным явилось участие в работе методологического семинара ЛОИА–ИИМК и особенно, в двух советско-американских симпозиумах по адаптации верхнепалеолитических культур Восточной Европы и палеоиндейцев США, проходивших в 1989 г. в Ленинграде и в 1991 г. в Денвере (From Kostenki to Clovis, 1993).

Автор выражает благодарность коллегам по ИИМК за консультации и помощь в подборке иллюстраций — З. А. Абрамовой, Г. В. Григорьевой, М. В. Аниковичу, Н. Д. Праслову, А. К. Филиппову, В. В. Щелинскому.

1. ФОРМАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Российская наука имеет значительные наработки в изучении палеолитического общества. При этом многие ее успехи, а также определенные тупиковые ситуации напрямую связаны с идеологической ситуацией, сложившейся после Октябрьской революции и особенно ярко начавшей оказывать доминирующее воздействие на все сферы знания с конца 20-х годов. Этому посвящен уже целый ряд работ. В их числе имеются как информационные обзоры, старающиеся носить объективно нейтральный характер, в какой-то мере апологетические труды, так и работы, заведомо нацеленные на мазохизм и самобичевание, порой придающий таким сочинениям почти памфлетный характер (Генинг, 1982; Пряхин, 1986; Лебедев, 1992; Клейн, 1993). В принципе остро поставленная установка на историческую интерпретацию материалов археологии, проявившаяся в работах молодых археологов как ленинградской, так и московской школ, носила позитивный характер. Однако, бесспорный вред нанесло догматическое стремление к унифицированному утверждению идеологической концепции, которую можно назвать формационным эволюционизмом и которой были приданы жесткие, детерминистские черты. При этом установка на политизацию методологических разработок заранее жестко декларировалась. Это вынуждены четко формулировать даже наиболее объективные труды, увидевшие свет в конце периода советского догматического прессинга. Так, авторы "Истории первобытного общества", издание которой в трех выпусках является заметным успехом коллектива ученых Института этнографии АН СССР, уже в первой из книг сочли необходимым прямо написать, что "научные исследования Маркса и Энгельса были связаны с потребностью разработки стратегии и тактики революционного пролетариата" (История..., 1983, с. 127). Негативные последствия догматизации всего научного наследия таких выдающихся ученых, которыми бесспорно были и К. Маркс и Ф. Энгельс, в условиях тоталитарной державы сказывались самым отрицательным образом. Как правило, оба исследователя, особенно К. Маркс, специально не занимались историей обществ, относимых по их номенклатуре к докапиталистическим формациям. Однако, целый ряд их попутных замечаний, а иногда даже и конспектов, сделанных на основании прорабатываемых ими трудов других ученых, становились фундаментом начетничества. Выходили даже специальные сборники, где были подобраны вырванные из контекста отрывки и цитаты, как некий непогрешимый (а в условиях прямого и косвенного террора абсолютно обязательный) катехизис (Маркс и др., 1933). При этом отдельные научные направления, возникающие и трансформирующиеся по ходу развития науки, безжалостно догматизировались. Достаточно вспомнить многочисленные, часто схоластические дискуссии по поводу тезиса о преобладании в первобытную эпоху производства человека над производством жизненных благ, что прямым образом влекло преувеличенное внимание к поискам различных форм семейно-брачных отношений по материалам, никакого отношения к этой проблематике не имеющих. Такая установка активно внедрялась, становилась исходным компонентом научного мышления, как некая исходная аксиома. Весьма

негативно сказался и сам принцип формационного эволюционизма, который не могли закамуфлировать реверансы в сторону диалектики. Считалось, что за матриархатом должен обязательно следовать патриархат, за первобытным строем — рабовладельческая формация и так далее, вплоть до утопического коммунизма. Установочные поиски идеологического врага вели к разнузданной попытке предельной политизации археологии. Одно время был объявлен даже поход на сам основной источник — артефакт, изучение которого дискредитировалось как некое “буржуазное вещеведение”. Дело доходило до того, что стеклянные шкафы в тогдашнем головном археологическом учреждении — Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде — завешивались бумагой, чтобы сам вид глиняных горшков не давал основания заподозрить исследователей в “немарксистских настроениях”.

В этом отношении определенный поворот к изучению гражданской истории, произошедший в середине 30-х годов, носил положительный характер. В археологии этому благоприятствовал сам характер конкретных полевых и кабинетных исследований реальных материалов, который Н. Я. Мерперт, характеризуя пору наиболее жесткого идеологического экстермизма, назвал своего рода “запасом прочности” (Мерперт, 1995, с. 9). В археологической науке новые акценты проявились в деятельности М. И. Артамонова, ставшего директором ГАИМК, переименованного в Институт истории материальной культуры уже в составе Академии наук СССР. Было начато издание “Материалов и исследований по археологии СССР”, в какой-то мере возрождающих традиции дореволюционных “Материалов по археологии России”. Оперативная информация о новых открытиях и разработках помещалась в серии “Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях”. Было начато издание сборников “Советская археология”, превратившихся в послевоенные годы в регулярный журнал. Одновременно была проведена большая работа по написанию фундаментальной истории страны и полученные материалы были изданы в виде двухтомного макета (История СССР, 1939). В этом труде было дано интересное обобщение конкретных археологических материалов, что в известной мере уравновешивало сохраняющиеся установки предвзятой социологизации. Именно в этом издании М. П. Грязновым был введен термин “ранние кочевники”, широко используемый до наших дней. Догматизм и удушающая суперцентрализация не позволили оперативно выпустить в свет эти разработки массовым тиражом, и они, как фундаментальное издание, увидели свет лишь после “хрущевской оттепели” в 1956 г., правда в урезанном виде, в одном томе (Очерки..., 1956). В этом труде зримо воплотилась сложившаяся практика историко-культурной характеристики реальных археологических комплексов и культур в сопровождении традиционного набора цитат, зачастую носящего чисто косметический характер. По этому изданию виден и тот вред, который нанесли установки ориентированности в исторических реконструкциях не только на конкретные реалии, отраженные в материалах археологии, но и на вопросы, лишь в малой степени достижимые при ее информативных возможностях. Таковы почти обязательные поиски патриархальных или матриархальных отношений, а также преувеличенное внимание к этногенетическим процессам, разработка которых на одних лишь археологических материалах, если не бесперспективна для древнейших эпох, то, во всяком случае, предельно затруднена.

Постепенно новые конкретные материалы начали играть все большую роль и в общеметодологических разработках российских этнографов, выходящих на первобытную историю. Была снята острота контроверзы материнского и отцовского рода и абсолютной обязательности их последовательной смены, как это вытекало из методологии формационного эволюционизма (Бутинов, 1968; Кабо, 1969). Была ограничена абсолютизация понятий “род” и “родовое общество”, в практику исследователей внедрялись такие реальные понятия как “локальная группа” и “община”, претерпевшая разные стадии развития (Охотники..., 1972; Массон, 1973). Эти более реалистичные разработки, учитывающие не только набор цитат, взятых из трудов, вышедших в XIX веке, но и достижения современной науки, достаточно удачно отразил уже упоминавшийся трехтомник по истории первобытного общества. Этому способствовал в области археологии с ее огромными новыми конкретными материалами тот запас прочности, который, как отмечал Н. Я. Мерперт, позволил уцелеть разумной основе археологии в лихолетье конца 20-х — начала 30-х годов. С распадом тоталитарной системы рухнули многие шлюзы, в том числе и упрощенность формационного эволюционизма.

Современную ситуацию в российской археологии некоторые авторы склонны оценивать как некий “перелом”. Однако переломность, как некий качественный рубеж, едва ли следует преувеличивать. Нечего следовать “привычному” руслу политизации, гласящему о качественных рубежах везде и во всем с утверждением новой политической системы. На протяжении всего XX века, особенно в 50–80-ые годы, российской археологией были достигнуты значительные успехи в области конкретной археологии, хотя обычно и с присовокуплением ссылок и цитат из “классиков марксизма-ленинизма” или объясняющей их литературы. Но это все более носило не структурный, а косметический характер. Увлечение формализацией, процедурной археологией, “новой археологией” в принципе шло теми же путями, что и на Западе. Разные научные учреждения развивались полицентрично. Например, в Киеве с тенденцией к некоторому догматизму и прямолинейной социологизацией. С 90-х годов исчезновение цитат косметического характера в принципе не внесло кардинальных перемен в научную литературу по археологии. Исключение составило, да и то по преимуществу в отдельных республиках и независимых государствах, излишне обостренное внимание к вопросам этногенеза и этнической атрибуции древних, да и древнейших культур. Политизация наоборот — это явное наследие 30-х гг., куда восходит и сам громоздкий термин “этно-культурный”. В 30-е годы, как сейчас это можно заключить, завертывание гаек догматизма и террора, демагогически прикрывалось, в частности, лозунгом о развитии культур “национальных форм и социалистических по содержанию” с явным оттенком лицемерия. Что происходит нового в российской археологии? Активное развитие новой полицентрической инфраструктуры идет на смену иерархическому бюрократическому централизму (Массон, 1995). В какой-то мере возрождается движение, давшее исключительный всплеск краеведения 20-х годов. Колоссальный информационный задел, созданный советской археологией в ходе широчайших полевых исследований, в известной мере отражает продолжающееся издание многотомной “Археологии СССР”, начавшей выходить в 1981 г. по инициативе и благодаря усилиям тогдашнего директора Института археологии АН СССР Б. А. Рыбакова.

В настоящее время уже издано 13 томов этого капитального труда и подготавливаются к печати еще несколько. При этом сохранение названия “Археология СССР” полностью отражает состояние научного и политического пространства на время формирования основ этого труда. При определенных информационных пробелах, не всегда качественных текстах отдельных авторов, слабом внимании к унифицированной типологии и терминологии это издание зримо воплощает тот огромный “запас прочности”, о котором писал Н. Я. Мерперт.

В современной ситуации необходимо разумное развитие методологических основ археологии, на которых зиждятся реконструктивные построения. Несоостоятельность прямолинейного формационного эволюционизма отнюдь не снимает необходимости и важности изучения экономических и социальных процессов, происходивших в древних обществах. Да и сам формационный подход, как оценивающий внутреннюю обусловленность больших эпохальных рубежей, не намного хуже других глобальных концепций, особенно, если избавить его от привкуса нарочитого детерминизма и догматики, естественно вытекающей из обязательного подбора цитат. Определенные шаги в этом направлении уже делались ранее, разумеется, в рамках уровня политизации, когда неизбежно приходилось прибегать по меньшей мере к косметике цитат. Одним из примеров реализации подобных устремлений является изданная в 1983 г. книга под традиционно ортодоксальным заглавием “Марксистско-ленинская теория исторического процесса”. В ней авторы пытались, в рамках тогдашнего уровня политизации, выйти на позиции плюрализма в трактовке исторических процессов и избегать упрощенной прямолинейности. Кстати, косметика цитат этой книги ясно показывает, что привлечение имени В. И. Ленина, бывшего больше политиком-практиком, чем исследователем, глубоко разрабатывающим проблемы, особенно докапиталистической эпохи, в отличие от исследований К. Маркса и Ф. Энгельса, являясь данью моде, безжалостно устанавливаемой гонениями и прямыми репрессиями.

При изучении по материалам археологии древних хозяйственных систем и социальных структур особенно важна критика информационных возможностей самого источника. Как известно, существует целый ряд схем процедуры изучения археологических материалов, причем одна из наиболее сложных, хотя и внутренне строго логичных, принадлежит школе Ж. К. Гардена (Гарден, 1983; Galley, 1986). Много работал в этом направлении и Л. С. Клейн (Клейн, 1978). При однолинейном построении уровней исследовательской процедуры в археологии предлагалось их значительное число, вплоть до семи и более. Теоретически их количество может быть неограниченно увеличено. Важным аспектом является введение системы прямых и обратных связей, что особенно подчеркивалось английским археологом Д. Кларком (Clarke, 1968). В целом, нет сомнений в том, что процедура должна носить циклический и вместе с тем динамичный характер при тесной взаимосвязи и взаимодействии различных циклов или ступеней исследований. При наиболее общей схеме процедуры исследования (рис. 1) важным моментом является оценка информационных возможностей археологического источника. Так, раскопки поселений с серией жилищ позволяют оценить величину обитавших здесь коллективов, охарактеризовать формы хозяйственно-бытовой деятельности. Но эти материалы в принципе не содержат информации о формах семейно-брачных или иных кровнородственных связей, и по-

пытки сделать подобные выводы приводили лишь к созданию кризисной ситуации. Другое дело анализ погребальных комплексов, особенно при наличии неодинокых и разнополюх захоронений, хотя и здесь исследователь вступает на довольно скользкий путь на грани между логическим построением и произвольной догадкой.

Рис. 1. Процедура исторических реконструкций в археологии.

Нельзя не отметить, что российская археология накопила значительный позитивный опыт, прежде всего в изучении древних экономических систем и хозяйственной деятельности. Весьма важным является выход на палеоэкономические реконструкции, которые с учетом поливариантных, палеодемографических оценок позволяют рассматривать древнюю экономику именно как сложную систему. Сбалансированность или дисбаланс ее отдельных составляющих во многом определяли возможности исторического процесса и культурных достижений. Здесь большую роль играет сложившийся в недрах археологической науки трасологический метод анализа орудий труда, позволяющий при изучении массовых коллекций выходить на количественные характеристики в оценке удельного веса отдельных отраслей хозяйства.

Столь же традиционно для отечественной археологии изучение социальных процессов, реалистичность которого порой замутнялась предвзятым стремлением выйти на понятийную сетку матриархальных или патриархальных отно-

шений. Куда более перспективно изучение исходных структурных единиц древних обществ. Все большее значение приобретает анализ проблемы лидеров этих социальных структур, часто со сложной внутренней иерархией. Нельзя забывать о том, что именно через социальную дифференциацию шел культурный и интеллектуальный прогресс, что порой не учитывалось при демагогических установках на изучение т. н. “непосредственных производителей”.

Оба этих основных направления имеют целый ряд конкретных аспектов, обеспечиваемых соответствующими методологическими и методическими разработками. Таково, прежде всего, изучение жилищ и поселений, в чем успехи советской археологии бесспорны и общепризнаны. Достаточно напомнить открытие и изучение стоябищ палеолитической эпохи, трипольских поселений, раннеземледельческих поселков юга Средней Азии, идущих по урбанистическому пути. Анализ данных поселенческой археологии позволяет оценить такую важную черту древних обществ как стабильность. Необходимо шире разрабатывать изучение системы расселения, что при установлении иерархической структуры древних мест обитания позволяет осуществлять социологические реконструкции на макроуровне. Археологические материалы позволяют реконструировать и образ жизни, ярко отражающий функцию общества как адаптивно-адаптирующие системы. Адаптивные процессы в обществе шли по разным направлениям, на чем мы подробнее остановимся дальше.

Таким образом, изучение экономики и социального строя древних обществ, которое в свое время было стимулировано установками формационного учения, сохраняют свое значение важнейшей стратегии исследовательских работ.

Здесь опять следует вернуться к проблеме положительных и негативных сторон формационного подхода. На формационный эволюционизм, безусловно, оказали сильнейшее воздействие философские основы дарвиновской биологии, согласно которой развитие носит постепенный или градуалистический характер. Вместе с тем разработки современной биологии отмечают необходимость различения процессов, протекающих на уровне микроэволюции и макроэволюции. Первые отличаются большей сложностью и разнообразием и далеко не всегда вписываются в градуалистическую концепцию. В связи с этим была разработана концепция прерывистого развития или пунктуализма. Такой дифференцированный подход тем более необходим при изучении общественных феноменов, являющихся, и в этом нет оснований открещиваться от привычных формулировок, наиболее сложной формой движения материи. Это ярко отражено в процессах культурогенеза, для реконструкции которых именно археологический материал, исследуя его материальные формопроявления, открывает широкие возможности. Археологическая школа Ленинграда-Петербурга традиционно уделяет этому направлению особое внимание в тесном сотрудничестве с другими археологическими центрами (Преемственность и инновации..., 1975; Социогенез и культурогенез..., 1991; Северное Причерноморье: ритмы культурогенеза..., 1992; Конвергенция и дивергенция..., 1995). При этом выделяются различные типы и направления культурного процесса — спонтанная и стимулированная трансформация, прогресс и регресс, устанавливаются механизмы и параметры процессов через соотношение традиций, инновационные и мутационные изменения. В этой связи необходимо остановиться на двух немаловажных обстоятельствах, воочию во-

площающих исторический плюрализм. Первое связано со сложным характером культуругенеза, имеющим, как и весь исторический процесс в целом, периоды подъема и спада, ускорения и замедления, иногда даже с регрессивными попятными движениями. Этот диалектический характер практически игнорировался формационным эволюционизмом, хотя формально и декларировалась приверженность к диалектическому подходу. Причины ритмического характера развития были различными. Здесь могли играть роль и экологические стрессы, и изменения в исторической, в том числе в политической, ситуации, и исчерпание творческого потенциала данной социальной системы и популяции в целом. Второй аспект связан с самим пониманием прогресса в истории общества. В общем плане прогрессивное развитие может быть определено по уровню благосостояния и образованности, по уровню культуры, по успехам в интеллектуальной сфере. Прогресс в его материализованном виде, ведущий к созданию культурных ценностей, вполне может быть определен по материалам археологии. При этом, как правило, выявляется развитие динамичных систем, восходящих к динамизму и ритмам культуругенеза самих древних обществ. В конечном счете, ритмы культуругенеза методологически образуют однопорядковые явления с биологическими процессами, рассматриваемыми концепцией пунктуализма. Это одно из перспективных направлений, обеспечивающих возможности конкретно-исторического подхода к изучению древних обществ.

Совершенно ясно, что на уровне макроизменения в пору, предшествующую промышленной революции, мы имеем дело с тремя большими эпохами, различающимися культурными комплексами и ценностными ориентациями. Это первобытность, древность, как удачно применяет это понятие И. М. Дьяконов, и средние века. Сами эпохи, в определенной мере стадияльно повторяющиеся, несут отчетливо выраженный диахронный характер.

Культурно-исторические системы, связанные с этими эпохами, развиваются диахронно, что лишний раз отражает сложность и многообразие исторического процесса. Стремление к унификации, свойственное формационному эволюционизму, привело к тому, что, например, в достаточно ценном обобщении, которое представляет собой многотомная "Всемирная история", чей выход в свет был одним из достижений "хрущевской оттепели", древние цивилизации Нового Света рассматриваются в томах и главах, освещающих средневековую эпоху, будучи привязанными к событиям испанского завоевания. Между тем структурно эти цивилизации явно относятся к явлениям т. н. ранней древности (по И. М. Дьяконову) и представляют собой однопорядковые явления с цивилизациями Шумера или иньского Китая. На объяснительном этапе при рассмотрении этих трех больших эпох, достаточно отчетливо выступающих на макроуровне, может быть использован, в разумном варианте, и формационный подход, как одна из возможных форм интерпретации событий всемирной истории.

2. ПРИРОДНАЯ СРЕДА И СИСТЕМЫ СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Взаимодействие природы и общества было традиционно в центре внимания археологии, особенно первобытной эпохи, где археология во многом зародилась в недрах геологической науки. В объяснении этих взаимодействий особую роль играет понятие адаптации. Широко распространенное в биологических науках, как инструмент, объясняющий многие явления эволюции и мутации, оно в применении к обществу носит принципиально отличный характер (Бромлей, 1981, с. 246). Если для животного мира показательно активное приспособление, то в человеческом обществе вступают в действие преобразующие процессы, вплоть до создания искусственной среды обитания. Это особенно подчеркивал Л. Уайт, определяющий саму культуру, как внеприродную (внесоматическую) форму адаптации (White, 1949). Правда, в его концепции целостных адаптационных механизмов несколько односторонне сделан акцент на узко прагматические потребности общества, без должного учета сферы разума, того что В. И. Вернадский называл ноосферой и что также формировалось, как результат специфической деятельности именно человеческого общества. Поэтому весьма перспективным является подход разрабатываемый Э. С. Маркаряном, рассматривающим общество как адаптивно-адаптирующую систему (Маркарян, 1983).

Как известно, биологическая адаптация в животном мире продолжалась и после появления человека, стимулированная, в частности, эпохой оледенения, действуя как приспособление вида или популяции к меняющимся условиям существования. Достаточно вспомнить северного оленя, который появился в Северной Америке в начале антропогена и приобрел адаптивные признаки для жизни в арктических условиях. Широко распространившись в соответствующей природно-климатической зоне, северный олень на многие тысячелетия приобрел исключительное значение для функционирования человеческих сообществ, сохраняя эту роль в ряде регионов вплоть до наших дней. Адаптация человека, которая также была интенсифицирована эпохой оледенения, была отличным явлением. Здесь действовали иные механизмы и складывались новые формопроявления, свойственные только этому обществу. Это позволяет говорить о данном процессе как о социо-культурной адаптации. Слоны в изменившейся природно-климатической ситуации покрылись шерстью и превратились в мамонтов, оброс шерстью и теплолюбивый носорог. Лишь человек шел по принципиально иному пути, создавая одежду и искусственную среду обитания. Особенно ярко это проявилось в позднепалеолитическую эпоху, с ее взлетами в области художественной культуры и интеллектуальной деятельности. Пружина социальной жизнестойкости сжималась с тем, чтобы, распрямившись, способствовать новым успехам и достижениям. В убогих стойбищах, заваленных костями и другими отбросами, за которыми уже маячили завывающие тени предков домашних собак, неугасимо сиял огонь разума, выходявшего на все новые рубежи интеллектуального прогресса.

Социо-культурные процессы адаптации идут в обществе по разным направлениям. Можно говорить о трех таких направлениях, четко обозначившихся

уже в палеолитическую эпоху и наиболее презентативно в период позднего палеолита. Первое — это выбор хозяйственной стратегии, нацеленной на устойчивость пищевых цепочек. Вторым важным аспектом является бытовая адаптация, ориентированная, в первую очередь, на создание искусственной среды обитания. Наконец, исключительное значение имела социальная адаптация, трудно реконструируемая по материалам археологии. В ней решающую роль играла трансформация соционормативной системы, активно реализующей заложенные в ней механизмы, совершенствующей их и создающей новые.

Рис. 2. Приоритетные виды промысловых животных в Восточной Европе в верхнем палеолите. Составитель М. В. Аникович.

Хозяйственная стратегия в палеолитическую эпоху была нацелена, в основном, на охотничью деятельность, хотя, разумеется, немаловажное значение имело и собирательство, ориентированное на локальную флору (рис. 2). Находки терочных камней, на которые последние годы стали обращать внимание исследователи, показали, что эта сфера деятельности представлена орудиями труда, по крайней мере, начиная с мустье (Рогачев, 1973; Кетросы..., 1980, с. 33). Но и основная ориентация хозяйственных циклов была нацелена на мегафауну, которая была также подвержена временным и локальным изменениям. Для Восточное Европы исследователи отмечают несколько вариаций мамонтового териокомплекса (Кузьмина, 1989). Так, в Молдавии и на Среднем Днестре наиболее многочисленными из числа добываемых животных были широкопаладая лошадь, мамонт, шерстистый носорог и северный олень. На средней Десне и в Поднепровье приоритеты иные. Первое место занимает мамонт, за ним следуют северный олень и дикая лошадь. В Крыму преобладали дикий осел и сайга, а на юге Украины в степной зоне добывался, в основном, зубр и много реже — сайга.

Вариации охотничьей стратегии учитывали эти локальные особенности, но не обязательно жестко им следовали. При этом четко выявляются две особенности: избирательная охота и сезонность охотничьих циклов. Это были важнейшие формопроявления адаптационно-адаптирующих процессов в охотничьей деятельности.

Примеров избирательной специализированной охоты достаточно много. В мустьерском стойбище Староселье в Крыму кости дикого осла составляют 98,4%. Высокую степень избирательной охоты демонстрируют мустьерские пещеры сочинской группы — Ахштыр, Воронцовская, Навалишенская, где 94—99% костных остатков принадлежат пещерному медведю. Бесспорны промысловые качества этого животного — от общего объема до превосходной шкуры, но столь же несомненны и трудности в добыче этого могучего зверя для охотников, вооруженных преимущественно копьями и рогатинами. Видимо, в такой специализированной охотничьей деятельности немаловажную роль играли и соционормативные установки, сформировавшиеся естественным путем, но затем жестко закрепленные традицией. Это мог быть достаточно сложный цикл определенных представлений, в том числе и тотемического характера. Недаром мы имеем для верхнего палеолита четкие свидетельства медвежьего культа. Закрепленность такой специализированной охоты могла сопровождаться табуированием добычи других животных. Четкая связь между основным объектом охоты и определенными идеологическими представлениями прослеживается и по материалам мустьерского стойбища Тешик-Таш в Средней Азии. Там основным добываемым животным был горный козел, и его же рогами было обложено погребение мальчика, найденное в пещере. Избирательная охота способствовала и обратному воздействию человека на биологический гомеостазис. Так, считается, что подобная охота на медведя на Кавказе, наряду с естественными причинами, способствовала дегенерации разорванных популяций этого животного (Верещагин, 1971, с. 228).

Сезонность охотничьих циклов является существенным проявлением адаптивно-адаптирующих процессов, характерных для человеческого общества. Хорошо известны базовые, по меньшей мере зимние стойбища мустьерских охотников на мамонтов в Приднестровье. Об этом говорит серия слоев Молодово I,

где уже сама многослойность подчеркивает фактор стабильности. В этих стойбищах создавались стационарные зимние жилища. В том же регионе изучено и мустьерское стойбище открытого типа Кетросы. Это было осеннее поселение, и его благоустройство ограничивалось созданием усложненных ветровых заслонов (Кетросы..., 1981, с. 20). Таким образом, перед нами не примитивные охотники, следующие за добычей подобно волчьей стае, а общество, соорганизуемое охотничью стратегию и бытовую адаптацию.

А. А. Величко справедливо обратил внимание на два вида взаимодействия населения и территории в эпоху верхнего палеолита (Величко, 1989). В одном случае это система автохтонного типа, где налицо островная локализация многослойных поселений, прекрасным образцом чего является Костенковско-Борщевский район. Судя по всему, здесь биомасса обеспечивала благоприятные условия для стабильного круглогодичного существования. Второй тип А. А. Величко не совсем удачно назвал миграционным. Скорее всего его следовало бы именовать типом сезонных циклов. Таков район Поднепровья, где расселение носило дисперсионный характер с преобладанием однослойных памятников, хотя и обитаемых в течение довольно длительного времени.

Охотничья деятельность эпохи верхнего палеолита обеспечивалась достаточно эффективным оружейным комплексом (Семенов, 1968, с. 287). Традиционные рогатины и копья, возможно, уже в мустьерское время начали снабжаться кремневыми наконечниками, отличающимися твердостью и остротой. Копье или дротик, оснащенное кремневым наконечником, бесспорно, было важнейшим охотничьим оружием в эпоху верхнего палеолита. Находки в сунгирьских погребениях показали, что существовали также копья, целиком выполненные из распрявленного мамонтового бивня и оснащенные кремневыми вкладышами. Важнейшим достижением палеолитической эпохи было создание разнообразного дистанционного оружия. Копьеметалки, делавшиеся из оленьего рога, а также, видимо, из твердых пород дерева, увеличивали дальность полета дротика, по определению С. А. Семенова, до 70–80 метров.

Особой формой оружия были т. н. гарпуны. Это по существу были съемные наконечники дротиков, соединенные с ними длинной бечевой и бросаемые с помощью копьеметалок. Особую проблему представляет вопрос о наличии в позднем палеолите лука и стрел.

В финальном позднем палеолите лук и стрелы, бесспорно, были уже известны. Кремневый наконечник стрелы найден вонзившимся в оленью лопатку в Аренсбурге. Имеются в наскальной живописи изображения, которые можно было трактовать как лук со стрелами (Семенов, 1968, с. 288–289). В последнее время российские исследователи все более склоняются к тому, чтобы интерпретировать найденные в Костенках I треугольные наконечники размером около 2–2,5 см, как оснащение древков стрел (Палеолит СССР... 1975, с. 181). Ряд других форм кремневых орудий мог быть использован в этой функции. Привычные для глаза археологов, типологически повторяющиеся наконечники стрел, еще не сложились как морфологически устойчивый тип, но наличие луков в Костенках едва ли может теперь вызывать сомнения. Там в ходе раскопок была найдена кость мамонта с вонзившимся в нее кремневым изделием, которое не может быть ни чем иным, кроме наконечника стрелы. Подобная материальная база значительно расширяла возможности эффективной охоты. В результате в пору

поздних этапов ледниковой эпохи повсюду в северном полушарии сформировались высоко эффективные охотничьи системы. Внешне особенно впечатляющ комплекс высоко специализированных охотников на мамонтов (Desbrosse, Koslowski, 1988, p. 19). По существу, это был региональный тип культуры, характерный для приполярной зоны Центральной и Восточной Европы. Он объединял культурные комплексы разных традиций, образующих ту реальную, зачастую мозаичную картину археологических образований, которую выявляют археологи.

Высокого уровня специализированная избирательная охота достигла в зоне степей с обильными травостоями и миграциями стадных животных. В Восточной Европе таковы области Северного Причерноморья, которые отечественными исследователями выделяются даже в особую культурно-хозяйственную зону (Борисковский, 1970; 1989). Весьма показательны освоение охотничьих ресурсов этой зоны специализированными охотниками финальных этапов позднего палеолита. Такая избирательная деятельность представлена облавными охотами на зубра. Первоклассным памятником облавной охоты является Амбросиевка, где огромное стадо этих животных было загнано в овраг и безжалостно уничтожено (Пидопличко, 1953). Всего здесь насчитывалось, по исследованиям И. Г. Пидопличко, 983 животных, причем нормальное соотношение самцов, самок и возрастных групп свидетельствует об истреблении целого стада. Наличие утробных телят указывает на май — начало июня как на время охоты. Среди костей зубров обнаружено 306 наконечников копий, что по справедливому заключению И. Г. Пидопличко, говорит о значительном числе загонщиков — по его расчетам около 100 человек (Пидопличко, 1969, с. 29). Неподалеку от костяка находилась и стоянка Амбросиевка (Борисковский, 1953). В Амбросиевке ярко выступает и другая черта облавных охот первобытной эпохи — бесцельное истребление животных в размерах, превышающих возможности их рационального использования (Замятнин, 1960, с. 99). Самые нижние скелеты зубров лежат в анатомическом порядке и вообще никогда не были использованы. Этим же объясняется и нахождение большого количества наконечников, которые при разделке убитых животных обычно извлекались. Свидетельством массовых охот на бизонов является и позднепалеолитическое местонахождение Анетовка II (Станко, 1987). Интерпретация этого памятника не вполне ясна, но остатки бизона здесь представлены в огромных объемах. Показательно и большое количество разного рода костяных наконечников, важнейшего оружия облавных охот.

Видимо, именно степная зона Восточной Европы представляет своего рода аналог культурно-хозяйственному типу палеоиндейских культур юго-запада США (Cordell, 1984, p. 121 sqq.; Frison, 1988). Если охотники периода Кловис добывали как мамонтов, так и других животных, то резкие изменения, наступившие после 9000 г. до н. э. привели к скачкообразному росту популяции бизонов. Бизоньи стада заняли ведущее место в охотничьей деятельности палеоиндейских общин. Американские исследователи установили локальную вариабельность в хозяйственной деятельности этих коллективов. На западе региона пищевая стратегия была ориентирована на растительные ресурсы и немигрирующих, сравнительно небольших животных. На востоке специализированные охотники на бизонов лишь дополняли свою диету растительной пищей и мясом более мелких животных. Недаром места безжалостного уничтожения крупных стад бизо-

нов или зубров имеют много общего в Восточной Европе и на юго-западе США. Ярким памятником загонной охоты является Олеон-Чабек в Колорадо. Здесь, как и в Амбросиевке, имело место лишь частичное использование полученной добычи — из 190 загнанных бизонов 57 туш вообще остались нетронутыми (Wheat, 1972).

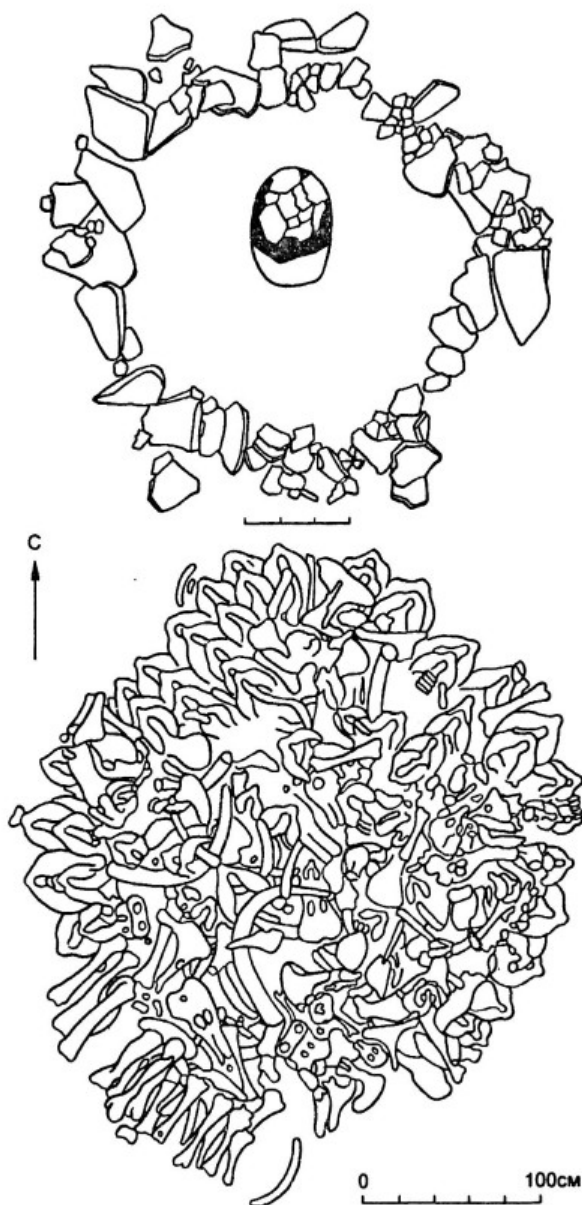

Рис. 3. Жилища с вымосткой из каменных плит (Мальта) и основанием из костей мамонта (Межиричи).

Практически во всех регионах Старого и Нового Света, где позднепалеолитические памятники изучены достаточно полно методами разнообразных наук, реконструируются четкие хозяйственные стратегии, как пример экономической адаптации.

Охотники на лошадях, оленей и мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы оставили яркие образцы бытовой адаптации. Жилища и одежда, создание которых было нацелено на жизнь в суровых климатических условиях, обеспечивали человеку не просто выживаемость в экстремальных ситуациях, но и создавали предпосылки для культурного и интеллектуального прогресса. Новый образ жизни обозначил и начало новой исторической эпохи.

Устройство наземных сооружений, создающих относительно комфортные условия обитания, имеет давнюю традицию, восходящую к самым истокам человеческой культуры. Уже в Олдувае была обнаружена кольцевая каменная выкладка, служившая, судя по всему, в качестве опоры для сооружения из ветвей, на которую могли накидываться шкуры. То, что остатки сооружения, открытого в Олдувае, не являлись случайностью, показывают результаты раскопок в Мелка Контуре в Эфиопии, относящегося ко времени около 2 млн. 200 тыс. лет и тщательно изученного французскими археологами. Там были обнаружены основания от некогда вкопанных кольев, закрепленных расщепленными осколками камня. По контуру они также дают овальные очертания. Естественно, по мере продвижения человека на север, в более прохладные климатические пояса и особенно в условиях начинающихся оледенений, эта традиция должна была не только сохраниться, но и получить дальнейшее развитие. Это подтверждено блестящим исследованием А. Люмлеем грота Лазаре на юге Франции, служившего стойбищем для группы ашельских охотников (Lumley, 1969). Здесь под сводами пещеры была возведена каркасная хижина, причем опорами для несущих шестов, как и в Олдувае, служили каменные выкладки. Хижина имела два долговременных очага и своего рода спальные места, оборудованные подстилками из водорослей, покрытых шкурами хищников.

В пору позднего палеолита техника устройства жилищ усложняется (рис. 3). Чтобы выжить в суровые зимы в приледниковой зоне, нужны были особые усилия. В результате в Восточной и Центральной Европе складывается особая строительная традиция, которую условно можно назвать жилищами из мамонтовых костей. Истоки этой традиции уходят по крайней мере в мустьерскую эпоху. В четвертом слое стоянки Молодова I в Приднестровье была обнаружена овальная выкладка, сделанная из специально подобранных крупных костей мамонта (Черныш, 1965). Это были расколотые черепа, лопатки и тазовые кости, бивни и нижние челюсти. Внутри этого овала, имевшего размеры около 7 x 5 м, разводились костры. Близкие по типу остатки жилища были открыты и в XI и XII слоях стоянки Молодова V, где они относятся к эпохе межледниковья и датируются временем древнее 45 тысяч лет (Черныш, 1965). Хотя конструктивные особенности молодовских жилищ не вполне ясны в деталях (см. об этом: Палеолит СССР, 1965, раздел о жилищах, написанный А. Н. Рогачевым), несомненно, что перед нами уже вполне устойчивая новаторская строительная традиция. Одновременно на сезонных базовых стойбищах, обитаемых в теплые времена года, сооружались более простые конструкции. Возможно, это были просто усложненные ветровые заслоны. В них также использовались кости мамонта, но уже, ес-

тественно, в меньших количествах, чем в фундаментальных сооружениях, рассчитанных на зимние стужи. Такой тип стойбища для того же района Поднепровья, где находятся и стоянки Молодова, дают Кетросы (Кетросы..., 1981, с. 19–21).

В пору позднего палеолита строительная традиция прочно укрепилась и оставила прекрасные памятники в виде целых поселений, состоящих из ряда жилищ. Особенно широкое распространение она получила в пору сурового ошашкинского оледенения, соответствующего позднему вюрму западноевропейской схемы и начавшегося приблизительно около 24 тыс. лет до н. э. Это была весьма суровая пора. Зимы отличались низкими температурами ($-30-40^{\circ}$ С), осадков выпадало мало как летом, так и зимой (Величко, 1989). Именно в это время широко распространены наземные постройки, сооруженные с использованием костей мамонта, нередко в сочетании с землянками.

Массовое употребление костей мамонта при строительстве верхнепалеолитических жилищ имело и чисто технологическое значение. В условиях часто меняющейся влажности дерево быстро поддается гниению. Трубчатые кости мамонта лучше сохраняются и представляют в этом отношении гораздо более долговечный строительный материал. Расколотые кости вставлялись в землю под углом. Иногда их закрепляли более мелкими осколками или камнями. Таким образом создавались гнезда для деревянных жердей (Праслов, 1989). В других случаях использовались целые черепа мамонтов, что придавало постройкам определенную монументальность. Подробно рассмотрел этот тип строений И. Г. Пидопличко на материалах Межиричи (Пидопличко, 1969, 1976), хотя его детализированная терминология и вызывает некоторые возражения (Палеолит СССР, с. 191). В Межиричах широко были использованы черепа мамонтов в качестве надежного строительного материала. Сооружение цоколя жилища преимущественно из черепов мамонта вообще получило широкое распространение среди групп охотников среднего Поднепровья. В Добраничеве цоколь был возведен, в основном, из черепов мамонта, причем, судя по всему, жерди каркаса вставлялись в затылочные отверстия. В Межиричах в одном из жилищ для обкладки цоколя было использовано 105 нижних челюстей мамонта. Для цоколя жилища и второй надцокольной обкладки широко использовали и сами черепа этого животного. Так, в первом жилище для надцокольной обкладки (второй ряд черепов) было использовано 17 черепов, а во втором, соответственно, 11.

В жилище, раскопанном в Костенках 11, семь пар черепов мамонта, видимо, образовывали опоры для основных несущих жердей, поддерживающих перекрытие. Бивни мамонта играли конструктивную роль в качестве несущих конструкций для перекрытия (особенно в небольших землянках, использовавшихся как хранилища) или для придерживания шкур, покрывавших все строение.

Следует иметь в виду, что весьма эффективно выглядящие на фотографиях и реконструкциях черепа и кости мамонта были лишь одним из конструктивных элементов верхнепалеолитических жилищ. В пору палеолита эти строения выглядели как низкие холмообразные возвышения, в которых, в первую очередь, обращали на себя внимание шкуры перекрытия и земляная подсыпка стен. Последнее обстоятельство, с трудом отмечаемое в ходе раскопок, особенно существенно. А. Н. Рогачев справедливо подчеркивает, что, например, в Костенках 11 кости мамонта, расположенные по периферии, образовывали каркас для

земляной стенки (Палеолит СССР, с. 192). Нередко жилища заглублялись в землю и некоторые из них вообще можно рассматривать как полуземлянки. Например, овальное жилище, открытое в Костенках 8 (Тимоновская), было углублено на 50–70 см. Естественно, для подготовки котлована и подсыпки земляных стен требовались соответствующие орудия. Такие инструменты были трасологически определены С. А. Семеновым (Семенов, 1952; 1957, с. 212).

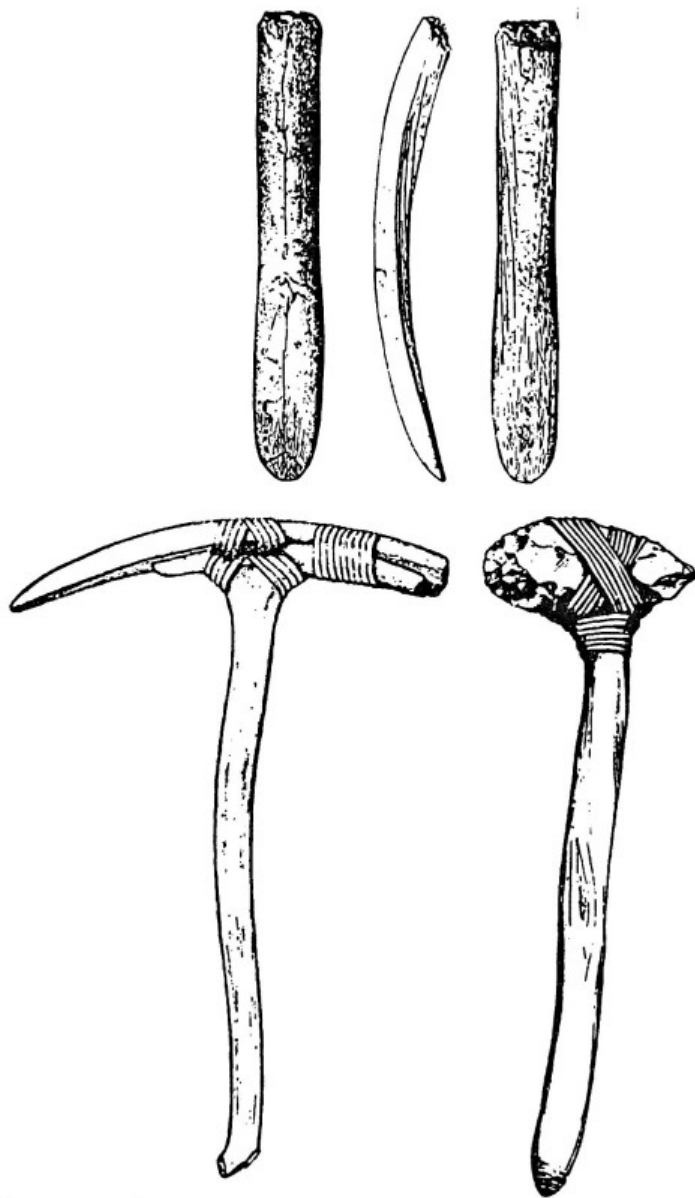

Рис. 4. Мотыга из бивня мамонта (Елисеевичи), мотыга ударного типа, топор (Костенки); по С. А. Семенову.

Устанавливаются два типа этих орудий — землекопалки простейшего вида и мотыги как орудия ударного типа, оснащенные рукоятками (рис. 4). Землекопалки представляли собой ребра мамонта, разрубленные по диагонали для придания одному из концов заостренного характера. Соответствующие орудия, обнаруженные на стоянке Елисеевичи, имели в длину от 20 до 50 см. Сильно изношенный и затупленный край свидетельствует об их активном использовании. Мотыги обнаружены в Елисеевичах, а также на стоянке Пушкири I. Они изготовлялись из ребер и бивня мамонта. Другим важным видом орудий, необходимых для сооружения жилищ, были рубящие инструменты. С этой целью, начиная, по меньшей мере, с раннего ашеля, использовались ручные рубила как полифункциональные инструменты. В пору позднего палеолита становится уже известным топор, как специализированное орудие (Семенов, 1957, с. 151–153). Безусловно, это орудие было особенно необходимо при сооружении жилищ, и его появление лишней раз подчеркивает значимость подобной специализированной деятельности.

Приземистые жилища превосходно выполняли свою функцию создания искусственного пространства, обеспечивающего жизнедеятельность человеческих коллективов. Как адаптационное явление они представлены и в разных эпохах, и в разных зонах, и в разных культурах. В Сибири на берегах Ангары такие жилища были открыты в Мальте (Герасимов, 1961) и в Бурети (Окладников, 1941). В их конструкциях важную роль играли кости мамонта, сибирского носорога и рога северного оленя. При помощи последних, обладавших множеством отростков, укреплялись стены, построенные из жердей. Очаги в этих жилищах обложены каменными плитами. Такими плитами иногда укреплялось и основание жилища.

На Русской равнине вымостки из каменных плит иногда устраивались у входа в жилище или вдоль его наподобие тротуара. Невысокие дома обогревались кострами, топливом которых в условиях редколесья перигляциальных степей нередко служили кости. Имелись и светильники, которые также давали немалое тепло. Позднепалеолитические насельники Русской равнины изготовляли светильники из эпифизов крупных трубчатых костей мамонта. Судя по всему, их губчатая поверхность пропитывалась жиром и постепенно выгорала, давая свет и тепло. Такие светильники обнаружены в Межиричах и в большом жилище Костенок I. Некоторые исследователи допускают использование и светильников с примитивными фитилями.

Таким образом, эта строительная традиция была ориентирована на четыре вида строительных материалов: кости крупных млекопитающих, деревянные жерди, землю для присыпки нижних частей стен и шкуры для верхних частей и перекрытия. В условиях тогдашнего уровня технического развития, о котором можно судить по набору орудий труда, это были оптимальные варианты бытовой адаптации в ледниковую эпоху. Был открыт и принцип увеличения размеров жилища, путем повторения основного планировочного элемента, представленного отдельной овальной хижинкой.

Важным элементом бытовой адаптации было развитие одежды, хотя имеющиеся данные еще недостаточно суммированы специалистами. Об этом виде деятельности, продукция которой для столь отдаленного времени практически не сохраняется, свидетельствуют орудия труда, состав добываемых живот-

ных и косвенные данные об одежде, получаемые на основании иконографических материалов и погребений в тех случаях, когда усопшего помещали в одежду, расшитой украшениями из кости или клыков зверей.

Снятие шкур и их использование в быту, видимо, было одним из наиболее древних действий, стоявших у истоков кожевенного производства. Дополнительная обработка снятых шкур и их скрепление между собой производилось, по крайней мере, в ашеле. Так, по наблюдениям В. Е. Щелинского, в раннеашельских слоях пещеры Азых для обработки шкур изредка применялись галечные орудия и более часто скребла и простые отщепы. Угловатые скребки использовались для прокалывания отверстий (Щелинский, 1992). Эти орудия обеспечивали сравнительно грубую обработку шкур животных, а отверстия позволяли их соединять в тех или иных вариантах. Видимо, именно таким образом было изготовлено покрытие шалашного сооружения, наличие которого в гроте Лазаре убедительно доказал А. Люмлей (Lumley, 1969). Трудно судить, в какой мере, эти кожевенные работы были нацелены на изготовление даже простейших одеяний. Между тем похолодание ледниковой эпохи со всей остротой поставило вопрос о таких одеяниях.

Видимо, именно поэтому для времени мустье можно уверенно говорить о том, что обработка шкур занимает важное место в деятельности неандертальцев (рис. 5). Эта работа осуществлялась при помощи скребел, хотя иногда выполнялась и остроконечниками, и простыми пластинами, и отщепами. Однако, эксперименты показали, что мустьерскими орудиями для шкур можно было осуществлять подрезание и скобление мездры, которая, правда, в ряде мест так и оставалась невыделанной (Семенов, Коробкова, 1983, с. 184). Показательна и специализация скребковых орудий в зависимости от охотничьей стратегии. При преимущественной охоте на крупных животных предпочтение отдавалось скребкам с зубчатым, заостренным или клювовидным концом. Если добывались, в основном, животные с тонким кожным покровом, то преобладали мелкие скребки в рукоятках, в том числе и микроскретки. Интенсивность соответствующих производств определяется уже самим количеством орудий, включенных в трудовую деятельность. По определению С. А. Семенова, только сработанных скребков на Тимоновской стоянке на Десне обнаружено 80. Скребков с более слабыми следами износа еще больше (Семенов, 1957, с. 109). Для обработки кож и кожаных изделий служили различные приспособления. В многоочажном жилище Костенок I имелись крупные кости мамонта, врытые вертикально в пол. Широкие сочленения их были обращены кверху, и на них ясно прослеживались следы от ударов, нарезок, царапин, вдавливания и трения. С. А. Семенов определил, что это были своеобразные “рабочие столики”, на которых, в частности, производилось разминание шкурок и ремней (Семенов, 1968, с. 185–186). Подлинный скачок в этом виде деятельности был совершен в эпоху позднего палеолита, которую с полным основанием можно считать началом подлинно портняжного производства.

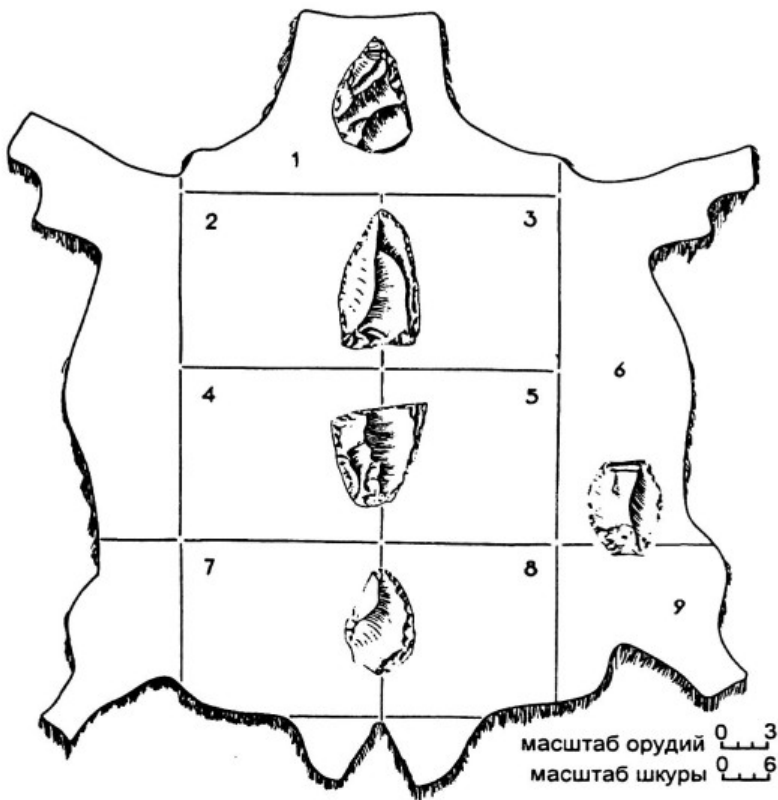

Рис. 5. Схема обработки шкур мустьерскими орудиями; по Г. Ф. Коробковой.

Показательно уже само совершенствование соответствующих инструментов, среди которых главную роль стали играть концевые скребки, вставленные в рукоятку. Это было весьма эффективное орудие, позволявшее добиваться высокого качества разнообразных кожевенных работ (рис. 6). Судя по орудиям труда, обработка шкур и шитье одежды в эпоху верхнего палеолита все более становится специализированным производством. Существовали в это время различные виды скребков, которые, как показали экспериментально-трасологические исследования, были связаны с дифференцированными процессами обработки шкур. Узкофункциональные, специализированные орудия предназначались для разных операций. Одни служили для пушения бахтармы, другие для сгонки волоса или для мягчения и лошения шкур. Довольно многочисленны костяные лошिला, с помощью которых можно было изготовлять замшу. Судя по древним орудиям труда, большое внимание уделялось изготовлению из обработанных шкур тех или иных изделий. Так, многочисленны костяные проколки и, что весьма существенно, появляются и настоящие иглы с ушком (рис. 7). Такие орудия были найдены на стоянках Костенки 8 (Тельманская) и Костенки 15. На последнем стойбище обнаружен и игольник, изготовленный из трубчатой кости крупной птицы. Такой набор орудий технологически позволял обеспечить изготовление высококачественных кожаных и меховых изделий (Семенов, Коробко-

ва, 1983, с. 185). Орудия ясно показывают, что при этом имело место и изготовление меховых изделий, и выделка кож.

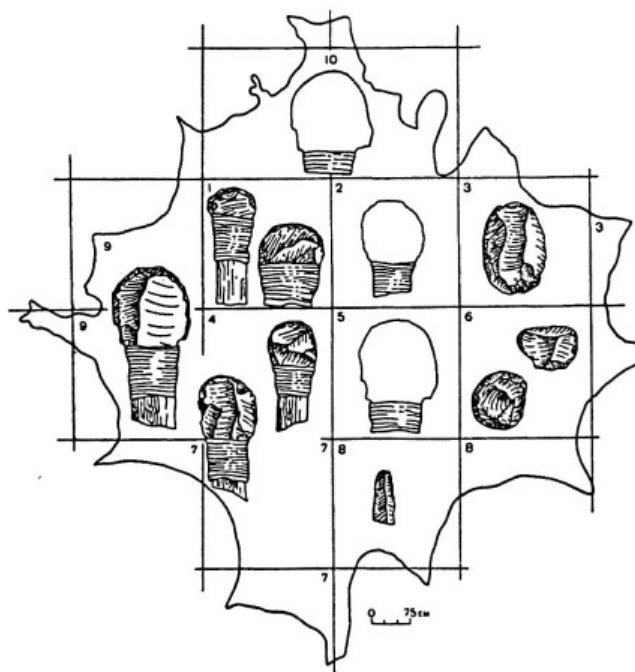
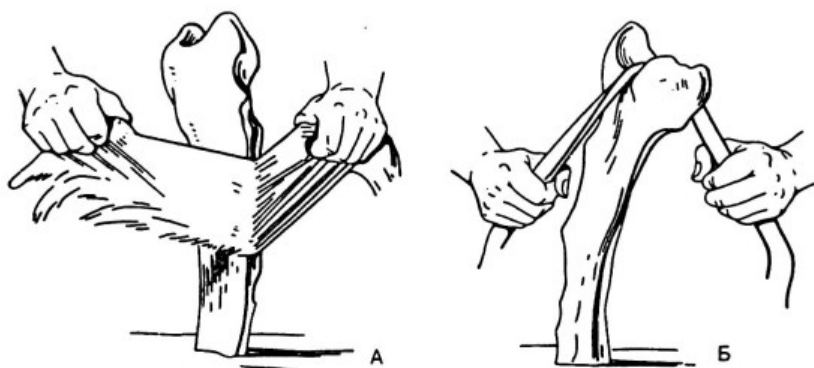

Рис. 6. Разминание шкуры на специальном приспособлении в Костенках 1; по С. А. Семенову. Схема обработки шкуры верхнепалеолитическими орудиями; по Г. Ф. Коробковой.

Орудия для обработки шкур на мустьерских памятниках, несмотря на свою многочисленность, неустойчивы по форме и в значительной мере случайны (Технология производства..., с. 115). Вместе с тем, эти скребковые орудия сильно изношены. Это свидетельствует о том, что важную роль среди видов дея-

тельности играла массовая обработка шкур, что возможно связано с сезонной заготовкой этого сырья (Технология производства..., с. 117).

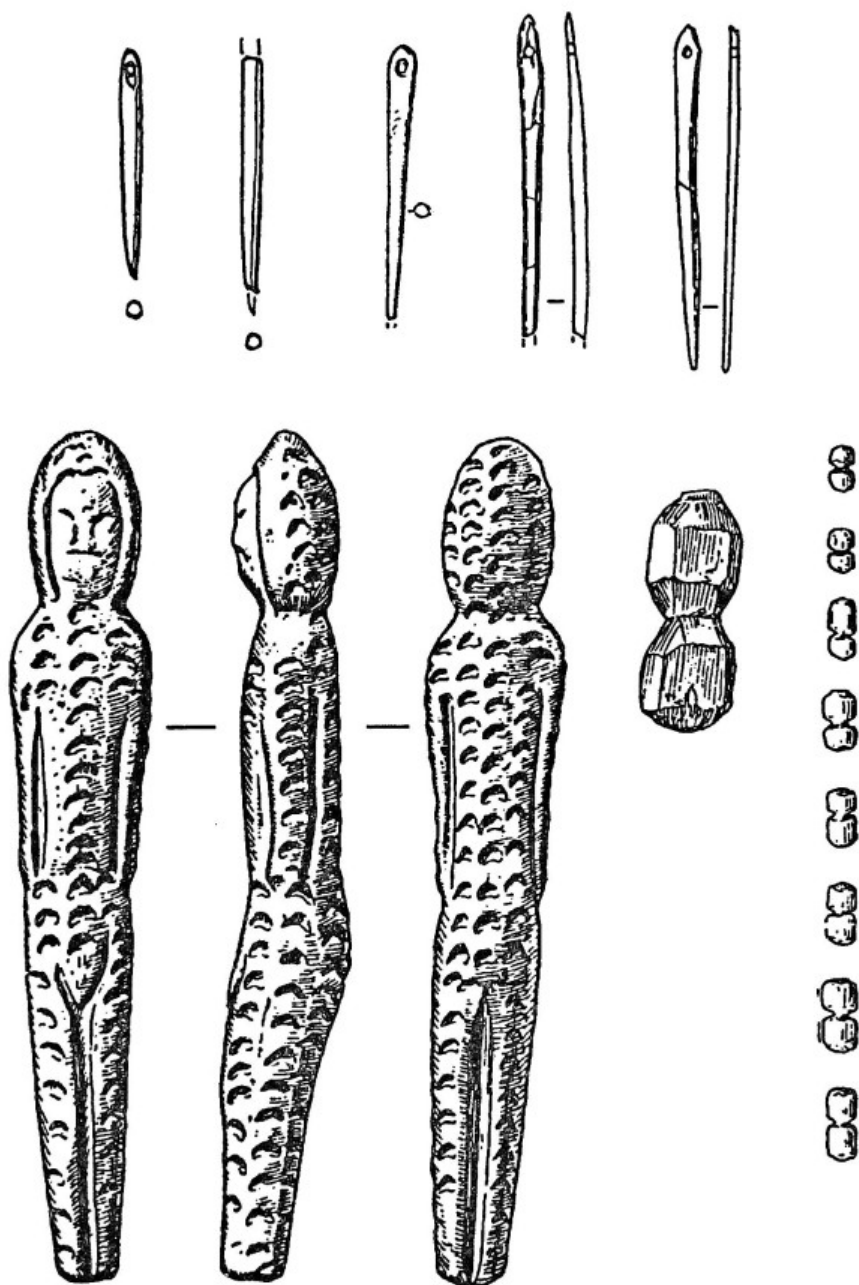

Рис. 7. Костяные: фигурка в зимней одежде (Буреть), иглы (Костенки 1, Юдиново), застежки (Костенки 4).

Суровые условия приледниковой эпохи, особенно в пору валдайского оледенения, делали нужду в теплых меховых изделиях особенно острой. Определения зоологов ясно показывают, что основным поставщиком теплых шкурок был песец, добыча которого приобретает весьма значительные масштабы. На стоянках, расположенных в бассейнах Днепра и Днестра, среди охотничьей добычи на первом месте стоят мамонт и песец. Близок состав охотничьей добычи и обитателей района Костенок около 20 тысяч лет тому назад: мамонт, донской заяц, песец (Кузьмина, 1989). На стоянке Елисевичи найдено свыше 14 тыс. костей песца, принадлежащих 287 особям. Совершенно ясно, что песцов, как и хищников вообще, добывали исключительно ради меха. Однако, если шкура крупного хищника могла использоваться целиком, то шкурки песца были лишь исходным материалом для палеолитических портных. Недаром находки костяных проколов и игл коррелируют со свидетельствами массовой добычи песца.

Можно в определенной мере судить о том, какой была эта одежда охотников на мамонта и песца. Костяные фигурки из Мальты имеют головной убор, покрывающий всю голову и оставляющий открытым лишь лицо. Исследователи справедливо заключают, что это мог быть головной убор типа малицы северных народов. Такие головные уборы нередко затейливо украшались. Так, в погребении мальчика 5–6 лет, обнаруженном в Костенках, судя по всему, головной убор был расшит плотными рядами просверленных зубов песца, который был основным поставщиком меховой продукции для обитателей костенковских стоянок. Таких просверленных клыков песца на этот убор было нашито 153.

Расшитые украшения помогают восстановить облик одежды верхнепалеолитических охотников приледниковой зоны. В этом отношении исключительное значение имеют погребения, обнаруженные в Сунгире (Бадер, 1967). Они подтвердили ранее выдвигавшиеся предположения, что в приледниковой зоне одежда должна была напоминать одеяния охотников и рыболовов субарктической зоны. У взрослого мужчины одежда реконструируется как сделанная из кожи или замши, возможность изготовления которых убедительно доказывается экспериментально-трасологическим изучением верхнепалеолитических орудий. Одежда, видимо, была глухой, без переднего разреза, и одевалась через голову. Штаны, скорее всего, также были кожаными и соединялись с обувью типа мокасин. Вся одежда была обильно расшита костяными бусами, расположение которых и позволяет судить об ее составных элементах. Поперек груди шла тройная лента из бус. Примечательно, что такую косую перевязь иногда можно видеть изображенной на некоторых статуэтках. Видимо, дополнительно одевался и короткий плащ. Совершенно ясно, что это глухая одежда арктического типа. Богато расшитые одеяния отличали и детские погребения Сунгиря. У девочки на голове был капюшон или капор, видимо, типа головного убора, воспроизведенного на статуэтке из Мальты. В качестве дополнительного украшения одевалась налобная повязка. У мальчика нашивка из семи рядов бус пересекала грудь. Пояс был расшит песцовыми клыками. Судя по расположению бус, оба подростка носили меховую обувь типа пимов или унтов. Тип одежды, рассчитанной на пронизывающие холода, здесь также выдержан.

Некоторые виды одежды, вероятно, типа плаща или накидок, требовали закрепления или закалывания. Имеется целая группа костяных изделий, которые, скорее всего, служили для этой цели. Палеолитики нередко именуют их

даже “фибулами”, но, вероятно, правильнее говорить просто о заколках или булавках. Это был довольно распространенный вид изделий. Так, в верхнем слое стоянки Костенки 4 (Александровская) застежек с перехватом, типа распространенных в Мезине, найдено 130 экз. Таким образом, одежда, нередко парадно украшенная и функционально ориентированная на защиту от стойких холодов, по крайней мере со XXV–XXIV тыс. до н. э., когда на Русской равнине наступает валдайское оледенение, становится устойчивым элементом образа жизни, ярко демонстрируя процессы бытовой адаптации.

Уже само наличие таких специализированных производств, как строительное и кожевенное, с устойчивыми типами продукции, свидетельствует о значительных достижениях в сфере социальной адаптации, в соционормативной подсистеме, без прогресса которой едва ли было возможно само выживание верхнепалеолитических обществ приледниковой Европы. На такое развитие, помимо материальных следов четко организованных трудовых процессов, указывает и целый ряд других факторов, которые в целом заслуживают особого рассмотрения.

3. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВА И НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА

(Опыт оценки общей тенденции по памятникам Пруто-Днестровского междуречья)

Адаптационные модели по разному представлены в различных обществах и в различных природных зонах, условия которых во многом определяли ту или иную хозяйственную стратегию. Опыт такой общей оценки был предпринят в статье, посвященной памятникам Пруто-Днестровского междуречья, опубликованной в 1981 г. (Массон, Кетрару, 1981), но подготовленной к печати много раньше. Эта работа была осуществлена на основе выпуска археологической карты Молдавии, посвященной памятникам каменного века и опубликованной в 1973 г. (Кетрару, 1973). С тех пор в археологии Молдовы были сделаны новые открытия, появились новые, более подробные публикации. Эта работа, как большинство палеодемографических разработок, осуществлялась как оценка некоторых общих тенденций. В настоящее время эта оценка может быть дана несколько более конкретизировано, чем в 1970-х гг., но, разумеется, продолжает оставаться лишь генерализованной схемой.

Имеющиеся данные характеризуют древнейших обитателей Пруто-Днестровского междуречья, прежде всего, как охотников. Если рассматривать охоту как своего рода хозяйственную систему, то ее составными элементами являются объект действия, то есть представители древней фауны, орудия, способствующие соответствующей деятельности охотников, природная среда, в которой эта деятельность протекала, и, наконец, главный элемент системы — сам человек. При реконструкции охоты как хозяйственной системы желательнее коррелирующее использование различных видов источников, характеризующих соответствующие составные элементы. В отношении палеолита рассматриваемого региона это возможно далеко не в полной мере, поскольку целый ряд предварительных разработок еще не осуществлен. Пока не проделан массовый функциональный анализ древних орудий, экологические реконструкции возможны лишь в макроподходе, без желательной пространственной и временной детализации. Тем не менее, имеются данные для определения некоторых общих тенденций в истории палеолитической охоты на территории Пруто-Днестровского междуречья.

Общая характеристика природной среды Северного Причерноморья в эпоху похолодания и установления перегляциальных и резко континентальных условий, определяет их как зоны степей с участками более мезофильной лесостепи (Гричук, 1969, с. 66, 67). Она, видимо, может быть распространена и на Пруто-Днестровское междуречье, где устанавливается сочетание открытых степных пространств и лесных массивов (Иванова, 1969, с. 112). В составе фауны палеолитических памятников этого региона четко выделяются две большие группы: животные открытых степных пространств и лесостепи, к которым причисляется особая группа северных мигрантов, и единичные лесные животные (Давид, Кетрару, 1970, с. 49). Интересно, что среди северных оленей имелись и

крупные особи, напоминая лесных животных, и более мелкие тундровые экземпляры (Давид, Кетрару, 1970, с. 34). О распространении в соседней Добрудже лесостепного ландшафта свидетельствуют фаунистические материалы грота Ла Адам (Марков, Величко, 1967, с. 143). А. Н. Формозов характеризовал природную среду Юго-Восточной Европы в эпоху палеолита как ландшафт холодных степей, несколько напоминавший тундру, с островками и лентами древесной растительности (Формозов, 1969, с. 74). В Пруто-Днестровском междуречье облественность, видимо, была несколько более высокой.

Эта общая картина менялась в периоды потепления и похолодания, но общий природный фон оставался стабильным. Недаром условия благоприятствовали распространению мамонта, популяции которого, хотя со временем и сокращались, но неизменно являлись источником добычи палеолитических охотников. Конкретные оценки палеоэкологической ситуации по данным отдельных памятников подтверждают эту общую характеристику. Так, жизнедеятельность обитателей грота Тринка I в мустьерскую эпоху разворачивалась в условиях холодной тундростепи с приречными лугами, кустарниками и лесами (Давид, 1986, с. 123).

Существуют различные способы экономической оценки данных, характеризующих охотничью деятельность. Сопоставление по количеству особей крупных животных, бывших основным источником пищи, дает представление о видовом составе охотничьей добычи и направлении основных усилий древних охотничьих коллективов. Сопоставление по количеству мяса в перерасчете на средний убойный вес животных (Пидопличко, 1969, с. 152) характеризует объем и структуру мясного рациона.

В остеологических коллекциях памятников Пруто-Днестровского междуречья ашельского времени не ощущается резкого доминирования животных какого-либо одного вида (рис. 8), как это, например, характерно для охотников на пещерного медведя Кавказа или охотников на бизона в Сухой Мечетке (Klein, 1969, p. 104). Однако по процентному соотношению числа особей добытых животных, обитателей грота Выхватинцы можно характеризовать как охотников на пещерного медведя, дикую лошадь и бизона, не гнушавшихся, вместе с тем, и другой добычи. В пещере Бутешты процент особей пещерного медведя еще более высок — 64, но не исключено, что эти животные обитали здесь и до заселения пещеры человеком (Давид, 1986, с. 34–37). В Старых Дуруиторах 27% промысловых животных составляла лошадь — объект особого внимания со стороны обитавшей в гроте локальной группы охотников.

В эпоху мустье еще более наглядна преимущественная ориентация охотников на пещерного медведя (рис. 9) и дикую лошадь. Процент животных этих двух видов достигает в гротах Тринка I — 61, Бутешты — 53, Буздужаны I — 66. Даже в пересчете на мясо дикая лошадь и пещерный медведь составляют в Буздужанах I — 43%, хотя обитатели этого грота изредка добывали мамонтов и носорогов. Как отмечает А. И. Давид, кости медведя в гроте Буздужаны I мелко раздроблены, что свидетельствует об их полной утилизации (Давид, 1986, с. 37). На открытых пространствах представлены охотники на мамонта, осуществлявшие свою специализированную деятельность, как свидетельствуют раскопки стоянки Кетросы на среднем Днестре, по крайней мере, в определенные сезоны (Кетросы..., 1981, с. 133).

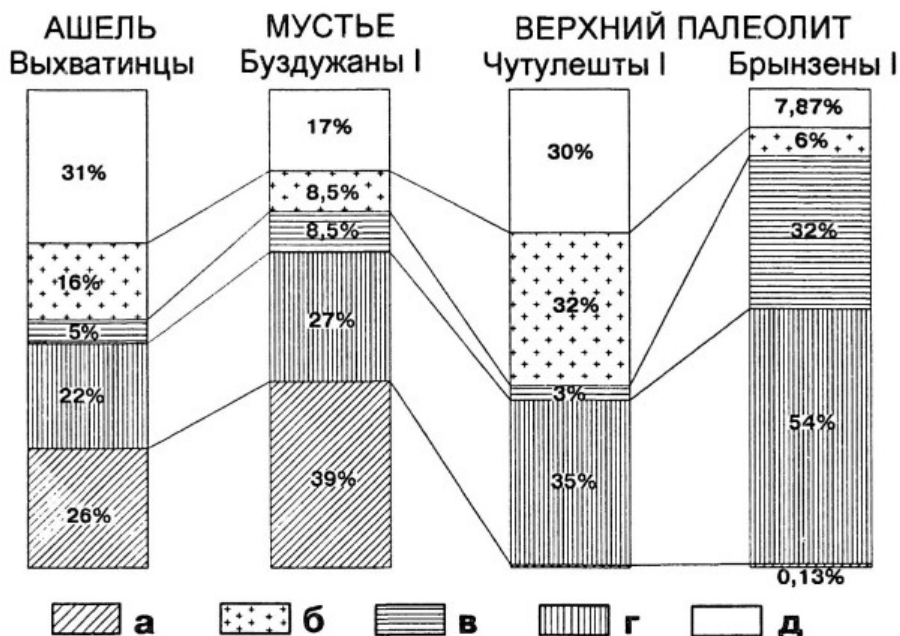

Рис. 8. Сопоставление видов промысловых животных в палеолитических памятниках Пруто-Днестровского междуречья по числу особей (а – пещерный медведь, б – бизон, в – сев. олень, г – лошадь, д – прочие).

Коренным образом меняется картина в верхнем палеолите. Пещерный медведь, частично истребленный, частично вымирающий в условиях разорванного ареала (Верещагин, 1971, с. 228), почти полностью исчезает из мясного рациона. Резко сократилась и добыча мамонта. На позднепалеолитических стоянках останки мамонта найдены, как правило, в небольших количествах и представлены преимущественно разрушенными зубами, отдельными пластинами зубов и фрагментами трубчатых костей (Давид, 1986, с. 97). Исключение составляет раскопанное И. А. Борзьяком базовое стойбище с жилищами, имеющими каркас из частей скелетов мамонтов у с. Климауцы. В основном охотничья стратегия была ориентирована на добычу копытных стадных животных, в первую очередь, диких лошадей и северных оленей. А. И. Давид считает возможным выделять два фаунистических подкомплекса поры верхнего палеолита (Давид, 1986, с. 163). В первом из них, по времени соответствующем французскому ориньяку-солютре, на первом месте стояла дикая лошадь, во втором (время мадлена) – северный олень. Так, на стоянке Рашков VII добытые особи северного оленя составляют 53% всей добычи, дикой лошади – 25%. Резко преобладает северный олень и в костных останках второго слоя стойбища Косоуцы (Борзьяк, Коваленко, 1991, с. 12). На стоянке Гординешты охота велась на лошадей и зубров (Борзьяк, 1984, с. 68). Таким образом, облавные и загонные охоты, началом которым было положено еще в ашеле (охотники на дикую лошадь Старых Дуруитор), становятся основой существования верхнепалеолитических общин.

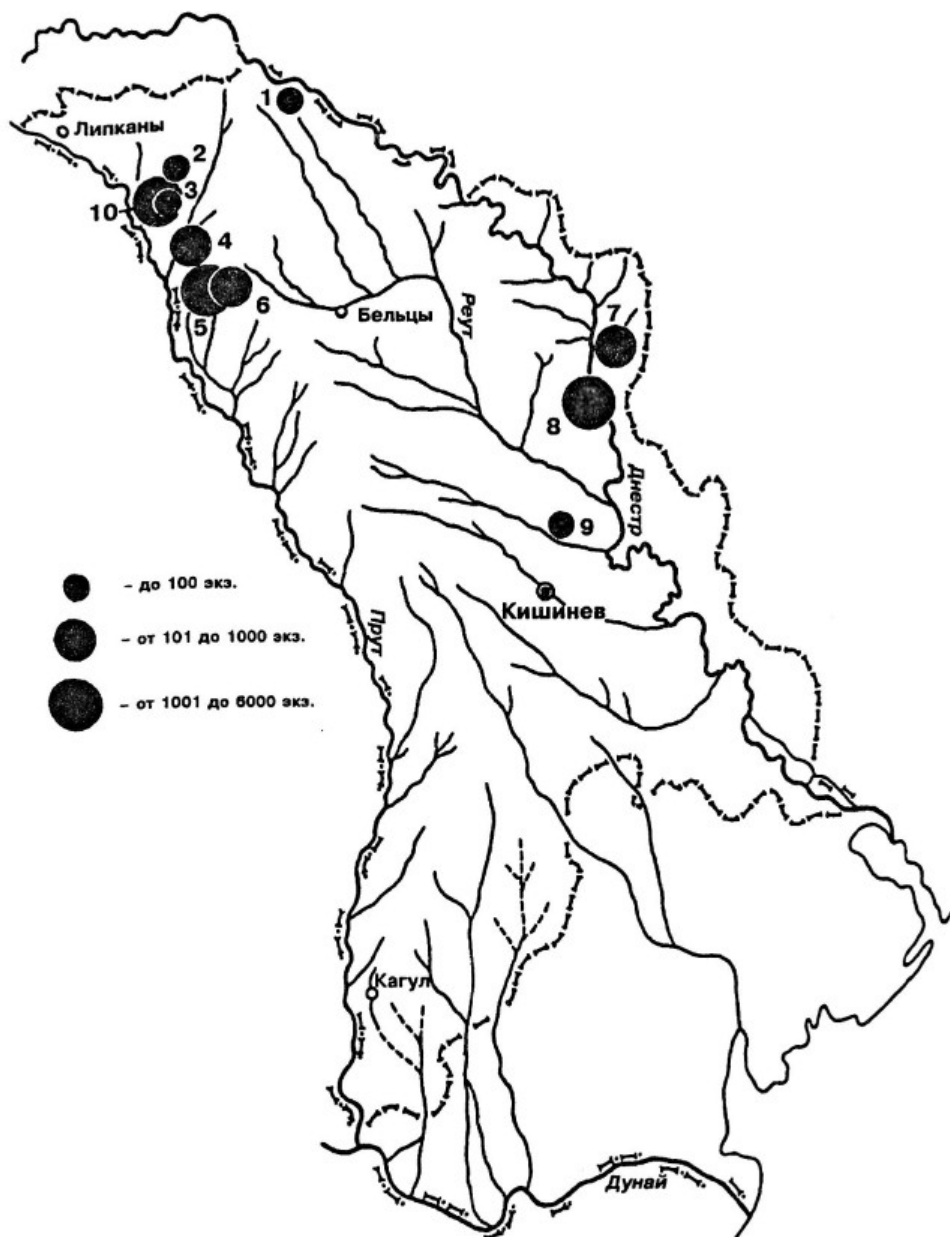

Рис. 9. Распространение остатков пещерного медведя в Пруто-Днестровском междуречье; по А. Н. Давиду.

Несоизмеримо более сложной задачей, чем оценка объема добычи охотников, является характеристика тех коллективов, которые осуществляли эту результативную деятельность. Важнейшим источником для изучения форм органи-

зации древних обществ является исследование остатков древних стоябищ и поселений. В Пруто-Днестровском междуречье в ряде пещер определяется площадь, на которой разворачивалась жизнедеятельность древнего человека — от 50 м² в Старых Дуруиторах до 76 м² в гроте Тринка I (Анисюткин и др., 1986, с. 5). На некоторых открытых поселениях устанавливаются размеры и количество наземных жилищ. На мустьерском стоябище Кетросы Н. К. Анисюткин выделяет остатки четырех таких сооружений (Кетросы..., с. 20–21, 38). Во втором слое верхнепалеолитической стоянки Косоуцы устанавливаются следы четырех наземных жилищ, центрами которых были стационарные очаги. Вокруг очагов на площади диаметром 4,5–5 метров отмечена концентрация находок. Тлен от бревен и плах свидетельствует о наличии деревянного каркаса (Борзияк, Коваленко, 1991, с. 6–7).

Типологии палеолитических стоянок посвящен ряд разработок. При этом русские ученые, детально исследующие каменные индустрии, большое значение придают именно этому фактору, в связи с чем вводятся такие понятия как “мастерская” и “стоянка-мастерская” (Любин, 1977). К. Фланнери и К. Хоул опирались на данные по этнографии приполярных охотников и материалы собственных археологических изысканий в Иракском Курдистане (Hole, Flannery, 1967, pp. 162–165).

Они выделяют три основных типа палеолитических памятников: сезонные базовые стоябища, стоябища для разделки мяса и промежуточные стоянки. К числу базовых стоябищ они относят большие, светлые пещеры, в культурном слое которых обнаруживается до 500 неопределимых костей на 1 м³. Для них обычно характерны мощные культурные напластования с зольными прослойками и остатки кострищ, стоянками для разделки мяса часто служили более теплые пещеры, дискомфортные при длительном обитании. Культурный слой содержит до 100 неопределимых обломков костей на 1 м³. Эти временные стоябища посещались группами передвигающихся охотников. Их можно именовать и охотничьими лагерями. Третью группу образовывали пункты, где небольшие группы охотников находили временно убежище и подправляли (а иногда, к радости археологов, и теряли) свой незамысловатый инвентарь. Отечественные исследователи не проводили столь детальных подсчетов костных остатков, но уделили большое внимание следам такой важнейшей деятельности палеолитического человека как производство орудий. При этом, однако, порой понятие базовый лагерь понималось как центр постоянного, круглогодичного обитания, тогда как именно сезонные базовые лагеря были основным звеном всего охотничьего цикла. Зачастую они становились центром интенсивной работы по изготовлению каменных орудий, выполняя функцию т. н. мастерской — термин, введенный французскими учеными и широко используемый русскими исследователями. Так, в гроте Тринка I в четвертом культурном слое имелись очажные пятна и обнаружено около 100 орудий. В гротах Бутешты, Тринка I и II исследователи отмечают высокий процент орудий и малочисленность и атипичность такой исходной формы их производства, как нуклеусы (Анисюткин и др., 1986, с. 100). Возможно, в замкнутых пространствах пещерных стоябищ такая форма деятельности, как изготовление орудий с многочисленными производственными отходами, получала ограниченное развитие, в отличие от производственных площадок, функционировавших на открытом воздухе. На мустьерском стоябище

открытых пространств в Кетросах обнаружено около 4000 объектов кремневого инвентаря. Здесь, по определению В. Е. Щелинского, много орудий для разделки туш животных. Однако нет следов реутилизации орудий, что свидетельствует о сезонности обитания (Кетросы..., 1981, с. 58). Эти наблюдения находят полное подтверждение в анализе териофауны Кетрос. По заключению А. И. Давида, отсутствие пушных зверей, добывавшихся в зимний период, когда их мех отличается высоким качеством, указывает на сезонный характер стойбища. Определенные ограничения накладывает и отсутствие северного оленя, добывавшегося во время зимней и ранневесенней охоты. Таким образом, заключает зоолог, перед нами, скорее всего, осеннее поселение (Кетросы..., 1981, с. 142). Но сезонность обитания Кетрос не снимает функции базового лагеря, каковым это мустьерское стойбище было в течение определенного охотничьего цикла, вписываясь в общую стратегию хозяйственной деятельности.

Изучение кремневой индустрии различных памятников, как разных этапов производственной деятельности, проведенное Н. К. Анисюткиным и его коллегами, позволяет наметить дополнительные критерии для характеристики базовых сезонных стойбищ и временных стойбищ — пунктов разделки мяса. На базовых стойбищах налицо высокий процент отходов производства кремневых орудий (более 50%), и состав этих отходов отражает полный цикл соответствующей деятельности. На временных стойбищах число нуклеусов невелико, орудия преобладают над сколами-заготовками, а сколы подправки, чешуйки, отщепы составляют менее половины всей коллекции (ср.: Анисюткин и др., 1986, с. 33).

Среди памятников Молдавии ашельского времени (около 280–150 тыс.) к числу базовых стойбищ, безусловно, следует отнести большие и светлые гроты Выхватинцы и Старые Дуруиторы, представляющие собой остатки разрушившихся крупных пещер (Кетрару, 1969, с. 73). В процессе исследования Выхватинского грота было установлено, что процесс разрушения начался еще в глубокой древности (Анисюткин, 1973, с. 9). Оба памятника насыщены орудиями и отходами производства, а значительное количество костей промысловых животных указывает, что они были местом длительного стационарного обитания. Так, в Старых Дуруиторах определены остатки 118 особей крупных промысловых животных, а общий вес мясной добычи охотников, находивших убежище в Выхватинцах, даже по дошедшей до нас части остеологических материалов, определяется почти в 40 тонн. Следует полагать, что разрушенными остатками таких базовых лагерей на открытых пространствах были и местонахождения Мерсына и Бобулешты V с их обильным и разнообразным кремневым инвентарем (Кетрару, 1973, с. 24–29).

Судя по небольшому числу изделий ашельского времени, пещера Бутешты V, содержащая также костные остатки, во всяком случае для этого периода (Кетрару, 1969, с. 75–76), может быть отнесена к числу временных стойбищ пунктов разделки туш. Расположенная к югу от такого базового стойбища как Старые Дуруиторы, она могла использоваться обитателями этого грота при дальних охотничьих экспедициях. Остальные два десятка местонахождений этого периода можно рассматривать как промежуточные стоянки бродячих охотничьих групп. Размещение этих памятников может указывать на древние охотничьи территории (рис. 10). Так, в долине по среднему течению Реута имеются базовые стойбища (Бобулешты V) и четыре промежуточные стоянки, возможно,

очерчивающие ареал охотничьих экспедиций этой локальной группы. К Выхватинскому гроту тяготеют пять промежуточных стоянок, находившихся в той же речной долине. Три промежуточных стоянки в районе Тирасполя указывают, что здесь могло располагаться базовое стойбище, возможно, еще не открытое археологами или разрушенное временем.

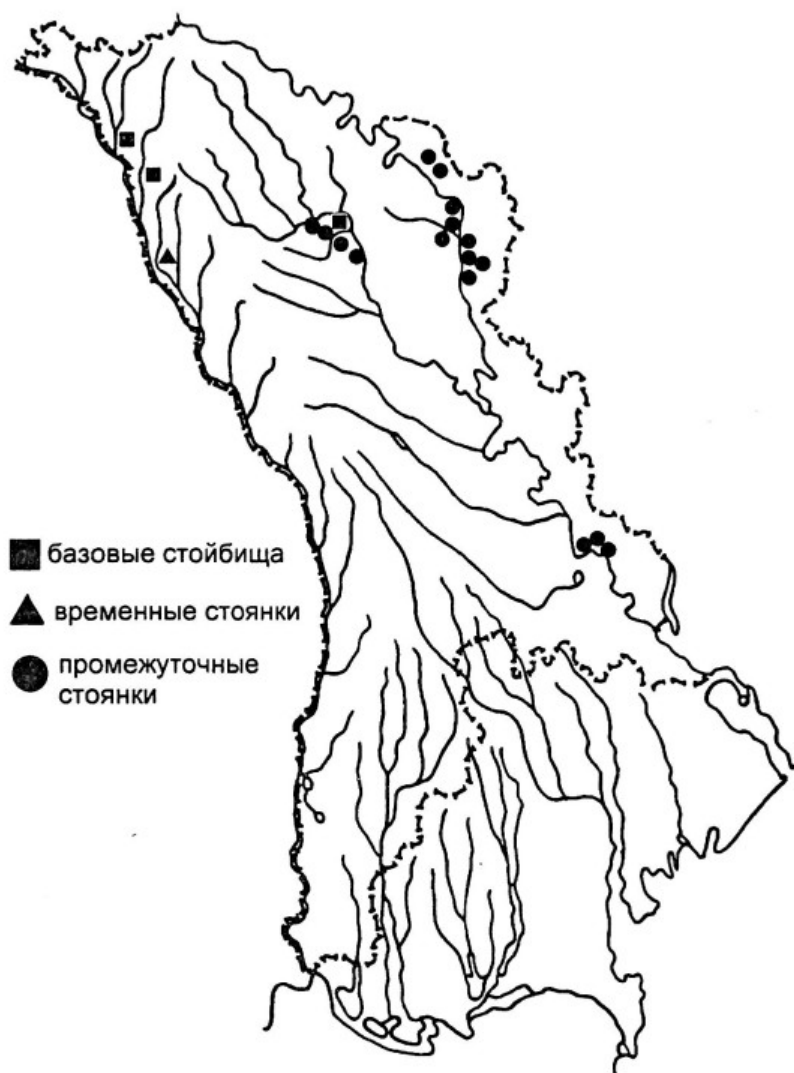

Рис. 10. Ашельские памятники Пруто-Днестровского междуречья.

Те же виды стоянок и стойбищ выделяются и среди памятников мустьерского времени. Так, крупный сухой грот Бездужаны I с большим количеством костей животных, в том числе мелких осколков, явно может быть отнесен к числу базовых стойбищ, функционировавших длительное время: здесь насчитывается 8 мустьерских слоев. Достаточно обильный кремневый инвентарь мустьерс-

кого времени и следы кострищ позволяют предполагать наличие подобного стойбища в гроте Бутешты (Кетрару, 1969а, с. 113—132). Низкие и тесные гроты-пещеры — Рогожаны X, Тринка I и III с ограниченным набором орудий, но, как правило, с остеологическими находками могут рассматриваться как временные стойбища — место разделки туш убитых животных. Весьма показателен состав каменной индустрии, обнаруженной в мустьерских наслоениях в гроте Тринка I. Из 367 каменных изделий 104 — орудия, в том числе выразительные остроконечники. Примечателен состав отходов производства. Так, сколов заготовок обнаружено 77, сколов подправки — 31 и чешуек и осколков — 141. Значительное число последних указывает, что здесь производилась своего рода доработка и подправка орудий, а не первичное расщепление кремня. Видимо, это характерно для временного стойбища — пункта разделки мяса. На сезонном базовом стойбище той же эпохи, в Кетросах, отходы производства каменных орудий составляют от 70 до 88%, поскольку здесь концентрировались все циклы соответствующих операций (Анисюткин и др., 1986, с. 33). Количество костей животных, обнаруженных в четвертом слое грота Тринка I, достигает полутора тысяч. К числу подобных временных стойбищ можно отнести и ряд открытых местонахождений, в которых кремневые изделия найдены с костями животных (Василика, Герман-Думыны, Скуляны). Промежуточные стоянки представлены почти тремя десятками местонахождений.

Отмечается группировка памятников, возможно, соответствующая территории деятельности отдельных локальных групп. Таков район по Пруту около Унген с тремя временными стойбищами; район базового стойбища в Бутештах с промежуточной стоянкой в Проскурянах; район Брынзен с базовым стойбищем в Буздужанах, временными стойбищами в Старых Куконештах и Мерсыне и промежуточной стоянкой в Новых Братушанах; предположительный район к северу от Брынзен с временными стойбищами в Тринке I и II. По-прежнему обособленная группа памятников наблюдается по среднему Реуту.

Сложнее обстоит дело с типологией верхнепалеолитических памятников, в основной своей массе сильно разрушенных и размытых. К числу базовых стойбищ этого времени можно отнести обширный грот Брынзены I с большой коллекцией кремневых орудий и костными остатками промысловых животных весом не менее 65 тонн, а также излюбленное стойбище охотников ашельского времени — Старые Дуруиторы, где второй слой содержит выразительные материалы верхнепалеолитической эпохи. В гроте Брынзены I обнаружено около 7500 каменных изделий, в том числе около 300 нуклеусов и свыше 1300 орудий. Базовыми стойбищами открытых пространств можно считать Рашков VII, Костешты I (Борзьяк и др., 1981), Лопатник и Чутулешты I, Гординешты I (Борзьяк, 1984), где помимо обширных кремневых коллекций имеются остеологические материалы или остатки очагов, а иногда все эти элементы вместе взятые. На стойбище Рашков VII кремневых изделий всего найдено двадцать четыре тысячи, нуклеусов — полторы тысячи, орудий — две тысячи. На стойбище Рашков VIII цифры не столь велики, но достаточно внушительны: изделий — 9000, нуклеусов — 300, орудий — 750. На подобных базовых стойбищах протекал весь цикл изготовления орудийного набора, причем в течение длительного времени. То же отмечается и для стоянки Гординешты I (Борзьяк, 1984, с. 68). Тысячами насчитываются здесь и находки костей животных. Как уже отмечалось,

ярким примером базового стойбища поры верхнего палеолита является стоянка Косоуцы. Здесь при раскопках на уровне второго слоя обнаружено 8714 кремневых артефактов, причем из них более 7000 — отщепы и их обломки (Борзьяк, Коваленко, 1991, с. 9). К числу временных стойбищ отнесены местонахождения, содержащие в коллекции более 100 единиц кремневых изделий. В целом, базовых стойбищ для верхнего палеолита около 10, временных стойбищ — более 30 и промежуточных стоянок — около 200. Огромное и непропорциональное увеличение числа последних по сравнению с предшествующими эпохами не может не обратить на себя внимание. Думается, что это явление связано с сосредоточением основного внимания при охоте на мигрирующих стадных копытных животных — диких лошадей, северных оленей и бизонов, занявших центральное и резко доминирующее положение в хозяйственной деятельности охотников каменного века. Выслеживание стад, организация облавных и загонных охот требовали значительной подвижности небольших групп охотников, оставивших столь многочисленные следы своих маршрутов, испещрявших территорию Пруто-Днестровского междуречья.

Типология памятников каменного века позволяет обратиться к еще одному очень важному, но и не менее сложному вопросу — оценке численности охотничьего населения рассматриваемой территории в различные эпохи. Разумеется, следует учитывать, что ограниченное число выявленных памятников дает нам в большей мере представление о тенденциях развития, чем об абсолютных цифрах в собственном смысле слова.

Для ашельского времени мы имеем на территории Молдавии остатки, по крайней мере, четырех базовых стойбищ, соответствующих, видимо, четырем охотничьим группам. Кроме того, сосредоточение промежуточных стоянок в районе Тирасполя и в районе Каменки позволяет предполагать наличие там еще двух таких групп. Допуская, как это делает С. Н. Бибииков для территории сходной изученности — Украины (Бибииков, 1969), что нам известна лишь половина древних стойбищ, получаем общее число 10–12 базовых стойбищ, или 10–12 охотничьих групп. Материалы показывают, что основной общественной единицей у архаических охотников и собирателей была локальная группа, число членов которой колебалось в зависимости от сезона (Маретин, 1972, с. 99–100). Так, восточноафриканские охотники кочуют по саванне мелкими группами в 20 человек в дождливый период, а в сухой сезон во время коллективных охот на крупную дичь объединяются в группы, насчитывающие 40–70 человек (Надь, 1972, с. 109). Средняя величина локальной группы у охотничьих народов в 25 человек является почти постоянной (Bridsell, 1963, p. 235). Тщательные раскопки грота Старые Дуруиторы, проведенные Н. А. Кетрару в 1959–1960 и 1973 гг., позволили выделить нуклеарную часть, соответствующую, скорее всего, основной территории обживания и достигающую 50 м², что вполне соответствует возможной площади обитания такой группы. Примерно такую же величину полезной площади (55 м²) дает А. Люмлей для исследованного им жилища ашельского времени, расположенного в гроте Лазаре, на юге Франции (Lumley, 1969).

Для Ближнего Востока К. Фланнери предполагает численность обитателей базовых стойбищ в 15–40 человек (Flannery, 1972, p. 25). Исходя из этих оценок, мы можем предполагать для ашельского времени в Молдавии на территории в 20000 км² (за исключением плохо разведанной южной степной части)

численность населения 250–300 человек. Это дает плотность населения в 1,2–1,5 чел. на 100 км², что в целом близко к цифре 1 чел. на 100 км², предполагаемой для обществ архаических охотников и собирателей на основе данных по австралийцам и бушменам (Braidwood, Reed, 1957, p. 21).

Для мустьерской эпохи общее увеличение числа известных памятников на 1/3 позволяет предполагать такое же увеличение населения, равного теперь уже 320–370 человек. Сложнее, как это отмечалось и при рассмотрении вопросов типологии, с памятниками верхнего палеолита. Здесь мы имеем около десяти базовых стойбищ и около 30 временных, которые как можно предположить, соответствуют, по крайней мере, еще восьми необнаруженным или разрушенным базовым стойбищам. С учетом принимавшейся для ашеля поправки С. Н. Бибикова, это дает (для рассматриваемой территории) 30–35 локальных групп, или около 750–870 чел. на 20000 км², что составляет около 3,7–4,3 чел. на 100 км². Такая плотность населения уже приближается к цифрам, характерным для специализированных охотников и собирателей доколумбовой Америки и достигающим 5–7 чел. на 100 км² (Braidwood, Reed, 1957, p. 21). По оценкам С. Н. Бибикова, в позднепалеолитическое время население Крыма достигало плотности 1,5–1,9 чел. на 100 км². (Бибиков, 1969, с. 21).

Имеется возможность в определенной мере проверить оценки подобного рода путем учета экономических возможностей соответствующих ландшафтных зон при расчете величины биомассы на 1 км². Для современной тундры Канады она составляет 800 кг на 1 км². Однако было бы неверным прямолинейно сопоставлять плейстоценовую тундру Европы с соответствующей современной зоной, тесно примыкающей к высоким широтам. Большая продолжительность фотопериода и более высокая солнечная радиация способствовали большей эффективности процесса фотосинтеза в отличие от приполярной тундры наших дней. К. Батцер, отмечая изобилие пищевых ресурсов для травоядных в плейстоценовой тундре, считает ее наряду с саванной оптимальным вариантом пищевых ресурсов для млекопитающих (Butzer, 1964, p. 374–375). Поэтому данные о биомассе современной тундры для плейстоценовой тундры Европы надо увеличить, по крайней мере, втрое. Вероятно, в таких исключительно богатых возможностях природной среды кроется объяснение феномена необычного расцвета культуры приледниковой зоны Европы в эпоху верхнего палеолита.

На настоящем уровне соответствующих разработок определенные оценки могут быть предложены для мамонтовой фауны, исходя из прироста биомассы у мамонтов в 4000 кг на 100 км² в год (Будыко, 1967, с. 33) и при использовании на мясо около 0,4 от веса мамонта в 2500 кг (Пидопличко, 1969, с. 152). По нормам мяса 600–700 г на человека в сутки (Бибиков, 1969, с. 14), минимальные годовые потребности локальной группы в 25 человек составили 5500 кг, а минимальная охотничья территория такой группы должна была составлять 350–400 км². Из этого можно заключить, что в пору верхнего палеолита охотничьи угодья Молдавии площадью 20000 км² могли обеспечить минимум пропитания 50 локальных групп, или 1250 человек. Учитывая, что ряд участков явно выпадал из числа охотничьих угодий, следует заключить, что в пору верхнего палеолита предложенная нами численность населения в 750–870 человек представляла собой едва ли не максимальную цифру заполнения данной экологической ниши, и ситуация приближалась к кризисной. Возможно, в этом крылась одна из причин

резкого переустройства всей хозяйственной системы общества, происшедшей для поры мезолита. Сходные результаты дает и расчет, ориентированный на специализированных охотников на бизонов. В резервации в Вайоминге биомасса составляет 3400 кг на 1 км² (Bouliere, 1963, p. 50), что, надо полагать, представляет собой максимальную величину, учитывая искусственный характер заповедника.

Таким образом, намечаемая тенденция роста народонаселения Пруто-Днестровского междуречья в эпоху палеолита отражала постоянный прогресс охотничьего хозяйства, пока она не пришла в противоречие с его возможностями.

4. ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Верхний палеолит, датирующийся по европейским материалам временем от 35000 до 9000 тыс. л. т. н. (Отте, 1994, р. 209) является одним из наиболее разработанных разделов археологической науки. Для этой эпохи детальнейшим образом изучаются типология и техника производства каменных орудий, соответствующие показатели успешно используются для установления связей отдельных памятников и их группировок. Результативное содружество с естественными науками позволило не только в деталях изучить меняющееся природное окружение, но и оценить хозяйственную стратегию древнего человека, меняющуюся в различных ландшафтных и климатических зонах. Несколько поколений исследователей посвятили свои труды изучению замечательного искусства этой эпохи, высказывая остроумные догадки и возводя гипотетические реконструкции. Вместе с тем, человек эпохи верхнего палеолита был не только виртуозом обработки камня или опытным хозяйственным стратегом. Именно в это время был осуществлен первый решающий шаг в развитии мировой культуры. Верхний палеолит – это важнейший этап в эскалации исторического прогресса.

Детальное изучение палеолитических памятников позволяет наметить общие черты развития этой эпохи, когда формировались и распадались значительные культурные общности, вслед за передвижением охотничьих общин распространялись те или иные культурные инновации (Отте, 1994). Весьма подробно эти вопросы разработаны для Западной Европы, где масштабы исследований в пересчете на единицу площади во много раз превосходят имеющиеся материалы по Восточной Европе, а тем более по Сибири. Вместе с тем, за калейдоскопом смены культур и комплексов, за мозаичной пестротой различных традиций обработки камня прослеживаются некоторые общие черты, характеризующие поступательное развитие человечества. Соответствующие данные имеют давнюю традицию исследования в отечественной науке (Аникович, 1996). Их фундаментально и относительно подробно характеризует соответствующий том монументальной серии “Археологии СССР” (Палеолит СССР, 1984).

По материалам европейского континента в целом и Восточной Европы, в частности, могут быть выделены три примечательные черты, характеризующие эпоху верхнего палеолита. Первое – это бесспорный рост населения, хорошо видный по приледниковой Европе, где демографический сдвиг произошел несмотря на сложившуюся там экстремальную экологическую ситуацию. Второе – это самоусовершенствование общества, его быта, образа жизни, создание надежной, в пределах тогдашних технических возможностей, искусственной среды обитания. В материальном воплощении археологических артефактов здесь достаточно показательны предметы бижутерии (от бус до браслетов), которые лежат у истоков этого вида специализированной деятельности и эстетического самоутверждения личности. Еще более впечатляет развитие домостроительной техники с зачатками архитектурных концепций. Некоторые исследователи знаменитых мамонтовых построек Восточной Европы усматривают в ритмике и симметрии образующих их мощных костей именно первичные варианты архитектурных ре-

шений. Третья черта особенно важна и знаменательна. Это интеллектуальный прогресс. Здесь налицо и развитие положительных знаний, образующих эмпирический фундамент своего рода протонауки, и взлет духовного производства, оставившего неувядающие шедевры древнего искусства. Безусловно правы исследователи, отмечающие, что верхнепалеолитические общества — это нечто большее, чем адаптивные механизмы для обеспечения брачных связей и получения пищи (Gamble, 1986, p. 343).

Вместе с тем нет особых оснований объяснять все эти поразительные инновации исключительно появлением нового физического типа человека, сменившего неандертальца. Новые материалы эпохи мустье показывают, сколь значительны были достижения общества неандертальцев как в сфере образа жизни, так и на начальных этапах интеллектуального совершенствования. Ко времени мустье относится формирование традиции сооружения постоянных утепленных жилищ в приледниковой зоне, появление погребального обряда как устойчивой системы ритуалов и верований, заметные сдвиги в интеллектуальной сфере и, в частности, то, что исследователи именуют “натуральной изобразительной деятельностью” (Столяр, 1985). Есть основания говорить о человеке поры мустье с достаточным уважением: “этот культурный неандерталец”. Но только в пору верхнего палеолита все эти зачатки и наработки дали качественный скачок. Внутренние структуры и механизмы социума поры верхнего палеолита обеспечили в приледниковой зоне не просто выживание, а своего рода культурный и интеллектуальный бросок.

С позиций формационного эволюционизма вопрос об общественном строе в эпоху палеолита решался, особенно в 30-е годы, достаточно прямолинейно и упрощенно. На археологическую периодизацию почти механически накладывалась периодизация первобытнообщинного строя, предложенная в известной книге Ф. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства” во многом восходящая к периодизации Л. Моргана в его знаменитом труде “Древнее общество”. При этом приоритетом считались формы брачных связей. Так для древнейших этапов палеолита утверждалось существование такой фантастической формы как промискуитет — беспорядочные половые отношения. Это форма практически не представлена даже у человекообразных обезьян. Современные длительные наблюдения, например, за шимпанзе показали, что основной группой является т. н. гаремная семья, возглавляемая могучим вожаком со сложной системой отношений внутри сообщества и процедурой смены вожака. Далее все действовало по заведенной эволюционной схеме и за верхним палеолитом признавалось зарождение матриархата. Это период характеризовался как “время возникновения материнской родовой общины” (например: Равдоникас, 1939, с. 212). Допускались достаточно фантастические формы брачных связей, как, например, групповой брак или брак дислокальный, когда брачующиеся постоянно проживали в разных пунктах, соединяясь лишь на короткое время. Подбирались и аргументы в археологическом материале. Конечно, особое значение придавалось появившимся именно в верхнем палеолите женским статуэткам. В них, начиная с трудов П. П. Ефименко, хотели видеть изображение женщины-матери, хозяйки-управительницы первобытных общин (Ефименко, 1953, с. 384–385; Очерки..., 1956, с. 45). При этом понятие матриархат рассматривалось как особая форма организации общества, где главенствующее положение,

вплоть до повседневного лидерства, занимала именно женщина в значительной мере благодаря роли именно матери, поскольку в отцовстве при конструированных формах брачных связей не могло быть твердой уверенности. Подобные феминистские представления достигали крайних форм в популярной литературе, проникая и в художественную литературу, обращавшуюся к первобытным временам.

Практически в материалах археологии находили две группы явлений, долженствующих подтверждать эту концепцию. Во-первых, открытие жилищ со стационарными очагами рассматривалось как указание на ведущую роль женщины-хозяйки. Идеологическим выражением этой функции считались женские статуэтки (например: Окладников, 1956, с. 55–56). Между тем, сам факт наличия постоянных жилищ как центров хозяйственной деятельности еще ничего не говорил о местах ночевки мужчины или женщины. Во-вторых, в научной литературе справедливо указывалось, что статуэтки могли изображать не обязательно хозяйку-прародительницу, а хозяйку очага (Токарев, 1961), да и воплощать представления о множестве иных функций. Окончательно расшатали эту жесткую концепцию выступления отечественных этнографов в 60–70-х гг., показавших необязательность смены материнским счетом родства отцовского. Как известно, отмечены случаи и обратного перехода: от счета по отцу – к счету по терминологии, учитывающей именно материнское происхождение.

Между тем, свидетельства о формах социальной организации верхнепалеолитического населения все увеличивались. Прежде всего их доставляли раскопки древних жилищ и особенно целых поселений, в чем советские исследователи долгое время занимали приоритетные позиции. Вопросы эти достаточно подробно разработаны в отечественной литературе, имея в виду как сами описания жилых строений, так и их интерпретацию (обзоры см.: Рогачев, 1970; Палеолит СССР, 1984; интерпретацию: Бибииков, 1969; Массон, 1976, с. 114–116). Строительная техника приледниковой зоны Восточной Европы была четко ориентирована на основной социальный заказ – обеспечение функционирования исходной общественной единицы. Эту функцию выполняли жилища, имевшие, но крайней мере, один долговременный очаг и площадь в среднем в 20–25 м². Нередко таким жилищам соответствуют на поселении производственные площадки, где происходило, в частности, изготовление орудий, расположенные на открытом воздухе (Мезин). Иногда у таких жилищ располагались и хозяйственные ямы. Совпадение числа жилищ и числа площадок в Мезине позволило заключить, что обитатели каждого жилища имели свой собственный производственный участок. Исследователи первобытного общества придают особое значение характеру производства и потребления, полагая, что в палеолите и мезолите оно было преимущественно общинным, а не посемейным (История..., 1986, с. 218).

Действительно имеются свидетельства того, что в ряде отношений обитатели верхнепалеолитического поселка выступали в целом как единый коллектив. Например, в Радомыше четыре жилища располагались по кругу, а посередине находился общий для всех центр по обработке кремневого сырья. Что касается распределения, то имеются данные о том, что кости от одной туши мамонта находились в различных жилищах.

Существуют различные коэффициенты для определения числа жителей в древних жилищах (Массон, 1976, с. 101–104). Для сурового климата приледни-

ковой зоны такие цифры, скорее всего, надо использовать по нижней планке. Небольшие жилища охотников на мамонтов позволяют заключить, что малая семья, вероятно численностью в 5–6 человек, была исходной социальной молекулой верхнепалеолитического общества.

Долговременный очаг в жилище, костные остатки, производственные площадки около этих примитивных домов показывают, что в ряде отношений потребление и производственная деятельность были рассредоточены по этим низовым ячейкам.

Вместе с тем, имеется ряд свидетельств того, что малые семьи объединялись в более значительные коллективы, вне рамок которых они едва ли могли просуществовать. Жилища верхнепалеолитических охотников расположены не изолированно, а группами, образуя целые поселки. Такие стойбища обычно насчитывали 4–5 жилищ, располагавшихся на территории в 700–1500 м². Организационное и экономическое единство этих единиц подчеркивает и то обстоятельство, что порой в разных жилищах для постройки использовались кости одной и той же особи мамонта. Еще более показательны так называемые большие жилища, впервые открытые в Костенках. По поводу их интерпретации ведутся дискуссии — представляли ли они единую конструкцию или сомкнутый ряд отдельных жилищ? Такое жилище в Костенках имеет в длину до 31 метра и около 8 метров в ширину. Несколько крупных очагов показывают, что перед нами — зимнее жилище, объединявшее в суровую пору несколько микроколлективов. Все это свидетельствует о том, что основной структурной ячейкой верхнепалеолитического общества Восточной Европы была локальная группа — община — с числом ее членов в 25–50 человек. Как отмечает О. Соффер, уже коллектив взрослых охотников в 6–7 человек может обеспечить небольшой общине стабильность и результативность в получении продуктов питания (Soffer, 1985). Имеются и более оптимальные предложения по оценке величины исходной демографической единицы. Так, Б. Клима допускает, что в поселке из 5–6 жилищ могло обитать 100–120 человек (Klima, 1994, p. 1883).

Сложен вопрос о характере более значительных объединений. По количеству охотничьего оружия, найденного среди костей зубров, забитых в Амбросиевке, ясно, что в загоне участвовало чуть ли не сто человек (Пидопличко, 1953). Это явно больше максимального числа обитателей даже крупного мамонтового жилища. На поселении Костенки 1 наряду с крупным жилищем № 1 открыты второе, а также, видимо, и третье жилище. Если их существование окажется одновременным, то перед нами относительно крупный (по масштабам верхнего палеолита) поселок. Совершенно ясно, что в силу ряда факторов от организационно-производственных до ритуально-идеологических, исходные малые социальные ячейки верхнепалеолитической эпохи интегрируются в социальные единицы разной величины (Gambel, 1986). Такие культовые и идеологические центры как Альтамира и Гуэта де ла Мина располагались на расстоянии в 60 км друг от друга, что вполне могло соответствовать двум фокусам охотничьих территорий (Jochim, 1983).

Определенное отражение эти вопросы могут находить и в материалах, характеризующих культурогенетические процессы эпохи верхнего палеолита. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в это время в приледниковой зоне Европы выделяются центры или очаги интенсивного куль-

турогенеза. Наиболее ярко это видно по материалам южной Франции и Испании с их знаменитым франко-кантабрийским искусством. Именно здесь формируются новые технологические стандарты в изготовлении каменных и костяных орудий, составивших основу для выделения культур (или технокомплексов) Солютре, а затем Мадлена. Художественный прогресс, наблюдаемый в этих культурах, общеизвестен. Судя по всему, другим очагом культурогенеза, во всяком случае на определенное время, был регион по среднему Дунаю, где формируются исходные компоненты граветтийской культуры или общности. Знаменитые граветтийские наконечники и фигурки пышнотелых матрон являются своего рода маркирующими символами этой общности. Практическая идентичность материала, входящего в эту общность, расположенную на Русской равнине на среднем Дону, заставила ряд отечественные исследователей говорить о некоей Виллендорфско-Костенковской общности, хотя в западной литературе предпочтение отдается понятию культура (Desbrosse, Koslovski, 1988, p. 67).

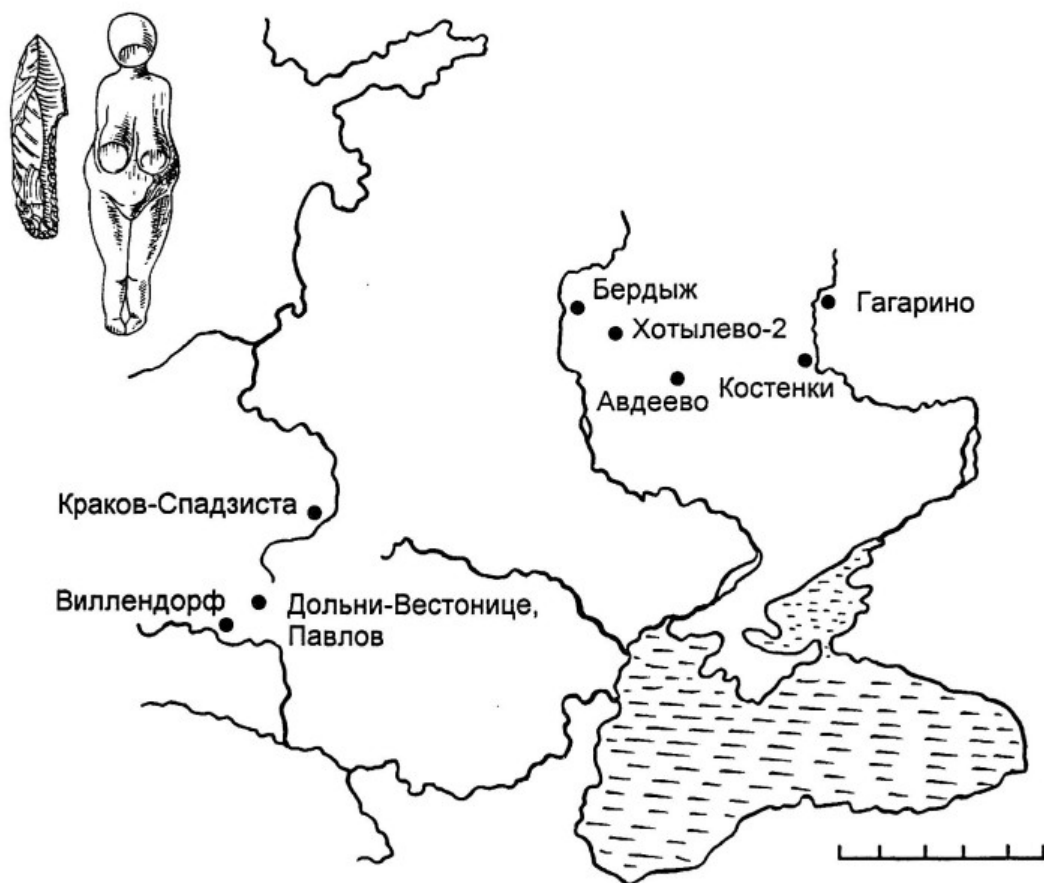

Рис. 11. Распространение памятников типа граветт.
 Составитель З. А. Абрамова.

Несомненно налицо прямое расселение групп людей с устойчивым культурным комплексом, отраженным в материальной культуре (рис. 11). Вместе с тем показательно некое островное расположение комплексов восточного Граветта. В этом отношении район Костенок, где бок о бок располагаются стойбища с совершенно отличными стандартами кремневых орудий, да и технологии их изготовления в целом, особенно показателен. Судя по всему, в эпоху палеолита процессы культурной интеграции, игравшие столь заметную роль в культурогенезе последующих эпох, начиная по меньшей мере с поры бронзового века, еще не получили значительного развития. Как известно, в биологии замкнутость вида обеспечивается целой системой барьеров, изолирующих механизм локальной эволюции. В культурогенезе роль таких консервантов играли традиции (судя по всему особо устойчивые), отторгавшие внешние воздействия на ранних этапах развития. Видимо, барьер культурных традиций в целом ряде областей блокировал развитие культурной интеграции в верхнепалеолитическую эпоху. За костенковско-виллендорфской общностью, распространившейся на тысячи километров, могли стоять племена, объединявшие по культуре и генеалогии общины, рассеянные по многочисленным стойбищам. Хотя, разумеется, о каком-то “союзе племен” или группе племен, объединяемых чем-то иным кроме общего происхождения, не может быть и речи. Этому заключению противоречит и сама культурная чересполосица, столь характерная для археологической карты Восточной Европы этого времени.

При определенном единообразии материальной культуры, особенно ощущаемом при анализе кремневых орудий, где в пору верхнего палеолита был достигнут значительный уровень стандартизации, намечается и определенная дифференциация древних общин по уровню благосостояния. Так поселение Костенки I неизменно отличается исключительным богатством мелкой скульптуры — от массовых изделий, в которых очертания животных лишь угадываются с трудом, до первоклассных женских фигурок из кости и камня (например: из последних находок — Praslov, 1993; рис. 12). Можно подумать, что талант скульптора был своего рода наследственным явлением в этом центре костенковско-виллендорфской общности. Поразительным богатством памятников искусства отличается Мезин, относящийся к средней поре позднего палеолита и, скорее всего, по основным параметрам представляющий собой особое культурное явление в рамках археологической систематики (Палеолит СССР, 1984, с. 198–199). Количество произведений искусства в Мезине буквально феноменально — от резной кости до раскрашенных узоров на разного рода объектах, в том числе и на определяемых как музыкальные инструменты. Видимо, уже в позднем палеолите, как это наблюдается и в последующие эпохи, выделялись центры интенсивного культурного развития.

Все это свидетельствует о существовании в верхнем палеолите устойчивых коллективов, ведущих целенаправленную работу по созданию стабильных жилищ и поселений, от ситуационного выбора на местности и до подбора необходимых заготовок для строительных материалов. Сама строительная деятельность столь же требовала накопления положительных знаний и организованного и направленного труда как и облавные охоты. Это предъявляло новые требования к личностям, игравшим лидирующую роль в выполнении соответствующих соционормативных функций. Успех такой деятельности засвидетельствован са-

мими материальными остатками, изучаемыми археологами. Имеется целый ряд свидетельств успешно развивающейся интеллектуальной жизни людей верхнего палеолита.

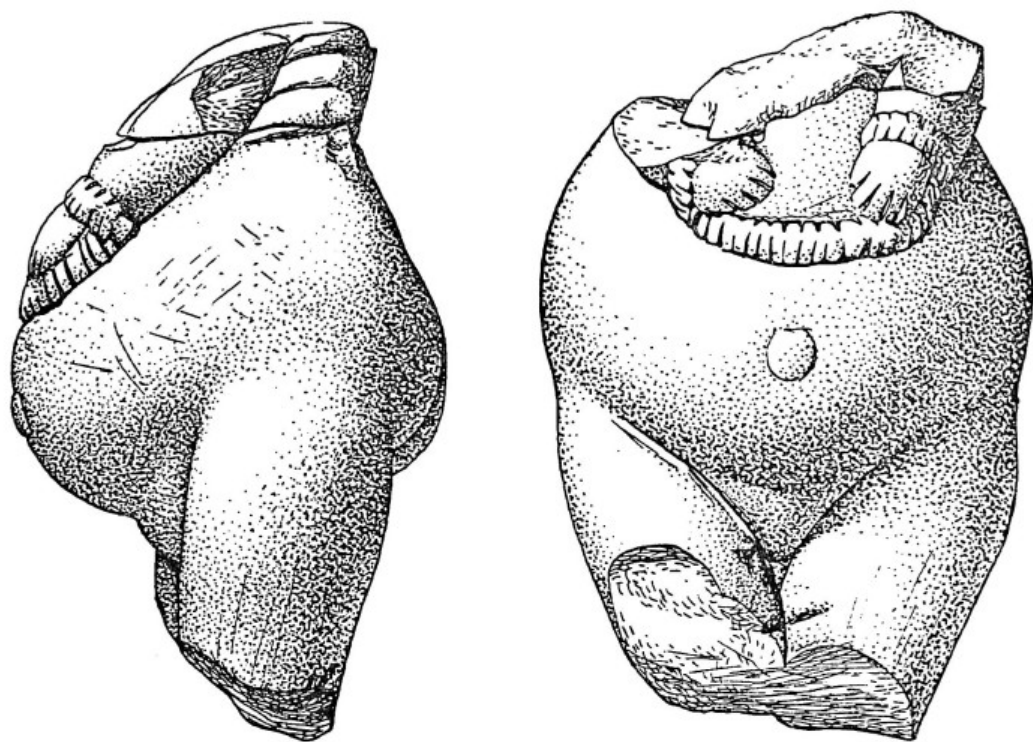

Рис. 12. Статуэтка из Костенок 1. Камень.

Прежде всего речь должна идти о накоплении и систематизации положительных знаний об окружающей природе как живой, так и неживой, что в принципе создавало информационный задел для своего рода преднауки. Подбор пород камня и сама его добыча для изготовления орудий лежали у истоков горного дела. Безусловно делались наблюдения космологического характера, необходимые для выбора направлений охотничьих экспедиций и, что было еще более важным, для ориентации во времени, создавая основы своего рода календаря. К устной форме хранения и передачи информации, истоки которой уходят в животный мир, добавляется художественная и зарождается графическая.

Исследователи давно уже обратили внимание на нарезные и процарапанные знаки, имеющиеся как на орудиях, так и на обычных костях, находимых при раскопках верхнепалеолитических стоянок. Предпринимались попытки их статистического анализа с целью изучения повторяемости и своего рода закономерности. Американский исследователь А. Маршак, устанавливая такие закономерности, предложил видеть в них указание на периодичность чередования фаз луны, своего рода лунный календарь (Marshak, 1964). Хотя не все исследователи

считают его расчеты достаточно доказательными, в общем плане интерпретация подобных знаков как “лунного календаря” считается одной из допустимых гипотез (Kima, 1994, p. 183). В российской науке большую работу по систематизации соответствующих материалов на территории Евразии, в первую очередь на территории бывшего СССР, предпринял Б. А. Фролов (1974). Им учтены все доступные на время составления сводки материалы и добавлен анализ уже чисто орнаментальных построений на утилитарных предметах, в том числе на фигурках, изображающих женщин. В результате удалось наметить определенные числовые закономерности в палеолитической графике Евразии. Группировки в половине из рассмотренных 85 образцов дают устойчивое повторение 5, 7, 10 и 14 (рис. 13). Если 5 и его удвоение восходит к естественному счету на пальцах руки (изображение растопыренной пятерни обычно в пещерной живописи), то семь и его удвоение выводит на более сложную систему счета, является как бы предтечей “священного” числа семь, столь популярного в древних верованиях. При этом показывают, что если 5 и 7 это просто неделимые числа, то 10 и 14 явно представляют собой их удвоение. Не приходится сомневаться, что счетные насечки верхнепалеолитической эпохи отражают начальные стадии развития математики. Труднее судить о началах космогонии в счетных насечках, хотя и этому Б. А. Фролов, вслед за другими исследователями, уделяет немалое внимание.

Сложный мир различного рода представлений может стоять и за другими предметами, кажущимися на первый взгляд утилитарными. Уже упоминались верхнепалеолитические украшения как отражение прогресса в сфере эстетики быта. Хотя больше всего распространены украшения, выточенные из кости или рога, известны также украшения из раковин или даже изготовленные из камня разных пород. В южноуральской пещере Шульганташ, к которой мы еще обратимся в дальнейшем изложении, были найдены 4 бусины, выточенные из зеленого серпентина. Исследователи справедливо отмечают, что, характеризуя древние украшения как бусы, подвески и браслеты, мы используем современную терминологию, тогда как в древности эти объекты могли иметь двойную функцию. Действительно, среди первых изделий подобного рода, появляющихся в начале верхнепалеолитической эпохи в культуре Шатальперрон, представлены просверленные зубы, которые, скорее всего, использовались, в первую очередь, как обереги и талисманы. Лишь впоследствии подобные наборы стали получать и эстетическую нагрузку.

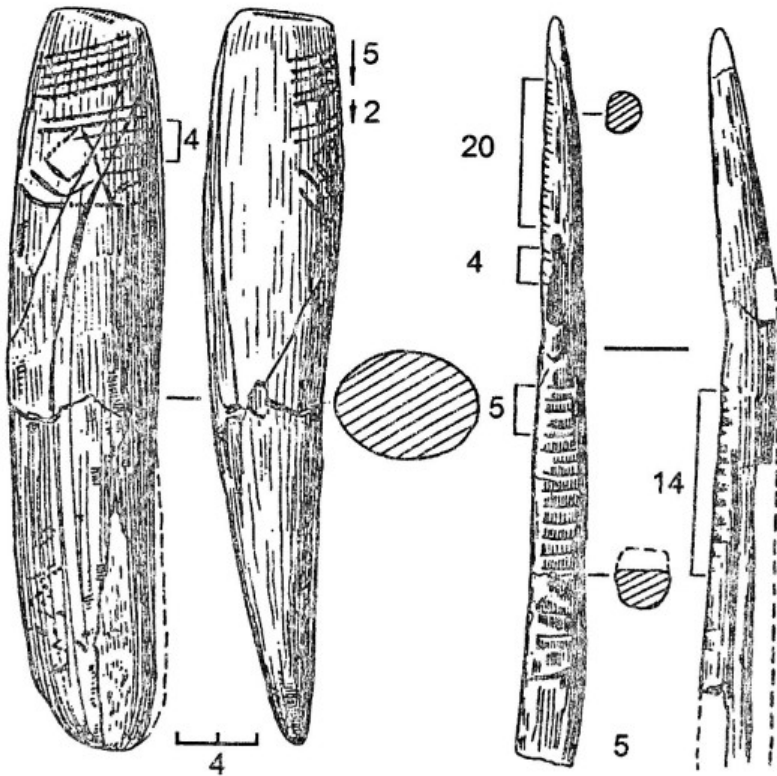
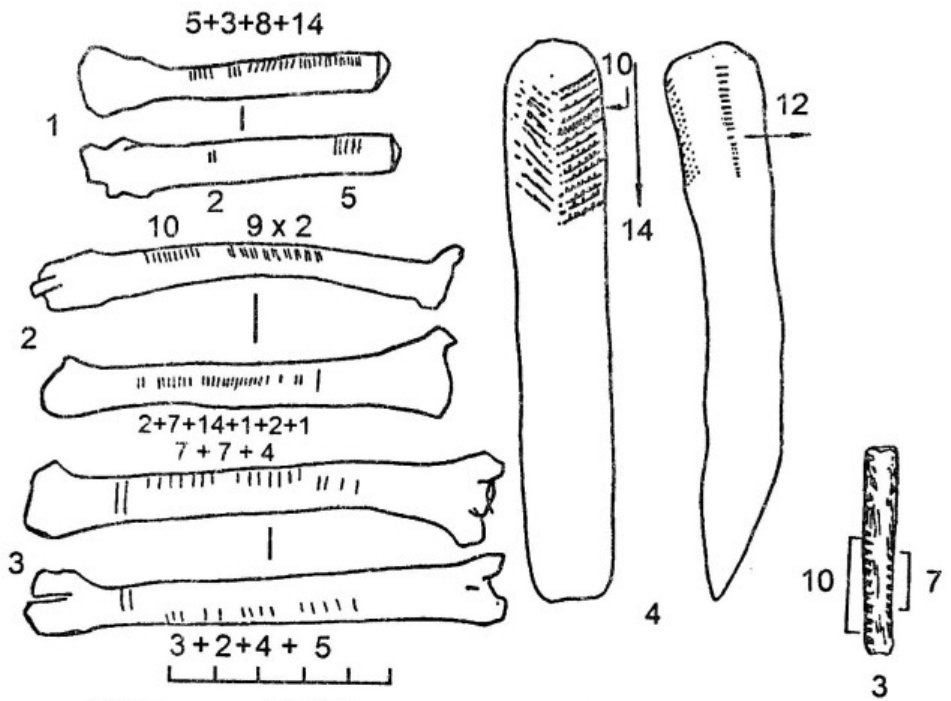
Достаточно сложные явления в сфере духовного производства отражают фигурки верхнепалеолитических Венер, как правило, изготовлявшихся из бивня мамонта, но в ряде случаев также вытачивавшихся из камня. Их эталон достаточно определен и, как правило, строго выдерживается. Это пышнотелые матроны с полной, часто отвисшей грудью, иногда с подчеркнутыми признаками беременности. Это был своего рода эталон красоты, высветивающий с лучшей стороны силу и мощь женщины-продолжателя рода (обстоятельная отечественная сводка — Абрамова, 1966). Поджарые манекенщицы современных конкурсов красоты едва ли имели бы большой успех в Костенках или Виллендорфе. Уже эти статуарные признаки, так удачно способствовавшие упрощенной конструкции матриархата, свидетельствуют о целой гамме различных представлений, вкладываемых древними охотниками в этот образ. Об особой значимости фигурок свидетельствует и археологический контекст. При раскопках статуэтки об-

наруживают прямо в культурном слое, нередко в специальных ямках-хранилищах. В эти ямки помещались особо ценные, художественно выполненные скульптуры, выточенные из бивня мамонта, часто дополнявшиеся кусками охры, кремневыми и костяными орудиями. Палеолитическая скульптура, которая включает не только женские статуэтки, но также изображения животных, часто высоко художественные, отражает самый широкий спектр достижений палеолитических интеллектуалов от эстетических концепций до сложных идеологических представлений.

Существовали особые центры идеологической активности. Мы имеем в виду, прежде всего, знаменитые пещерные комплексы, столь обстоятельно изученные во франко-кантабрийской области. Анализ живописных панно, покрывающих стены, а порой и своды пещер вкуче с произведениями искусства малых форм, которые западные авторы предпочитают именовать "мобильными", выявляют сложную картину духовного производства и эволюции стилей (рис. 14) (Leroi-Gouran, 1965; Band, 1994; Окладников, 1967). Детальные исследования ясно показывают сложную функциональную значимость пещерных комплексов. Залы с основными панно, обычно наиболее труднодоступные, как бы скрывали сокровенные ценности в глубине гор. Для освещения этих глубоких пещер необходим был свет факелов, которые, разумеется, не сохраняют археологические напластования. Зато сохранились многочисленные светильники, выточенные из камня (рис. 15). Функциональная сущность пещерных комплексов неоднократно была проанализирована в ряде работ. Отпечатки ног в одной из пещер, в числе которых имеются и следы детей, ясно указывают на посещаемость этих укромных убежищ. Скорее всего, это были центры, отражающие определенные идеологические воззрения, связанные со многими аспектами, в том числе с промысловой, в данном случае охотничьей магией, и места, где устраивались своеобразные мистерии и иные театрализованные действия. Символические организованные действия были важнейшей составной частью жизнедеятельности палеолитических общин, скорее всего, воспринимавшиеся как интегративная часть трудовых процессов. Эти центры, которые можно рассматривать как своеобразные святилища, были фокусом, концентрирующим представления о самосознании и территориальной общности определенных социальных единиц.

На территории Восточной Европы, как устанавливают исследования последних десятилетий, Южный Урал был местом сосредоточения таких центров интеллектуальной деятельности. Наиболее подробно изучена пещера Шульганташ (Каповая), где после первых исследований, зафиксировавших сохранившиеся росписи (Бадер, 1965), были произведены тщательные раскопки, доставившие немаловажную дополнительную информацию (Schelinsky, 1989; Щелинский, 1996).

Рис. 13. Счетные знаки верхнего палеолита; по Б. А. Фролову.

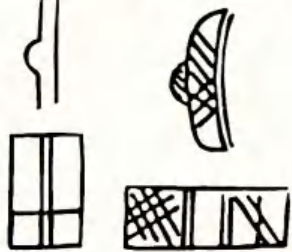

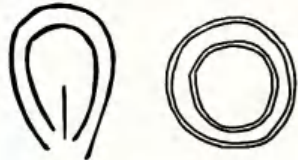

период	стиль	лошади	человеческие фигурки	знаки
Поздний мадлен 10,000	Поздний IV			
Средний мадлен 13,000	Ранний			
Ранний мадлен 15,000	Поздний III Ранний			
Солютре 20,000	II			
Граветт 25,000				
Ориньяк 30,000	I			
Шательперрон 35,000	До-фигуративный			

Рис. 14. Эволюция стилей в верхнем палеолите Европы, по А. Леруа-Гурану и А. Люмлею. Составитель Х. Г. Банди.

Расписные гальки	Позднее	Конец палеолитического искусства	
	Раннее	Вершина палеолитического искусства	Мас д'Азиль
Классическое	Позднее	Тейжа	
	Раннее	Труа-Фрер	
Архаическое	Позднее	Ляско	
	Раннее	Появление монументальной скульптуры первые барельефы	Пер-нон-Пер
Примитивное	Стиль II	Развитие палеолитического искусства	Леспюг
	Стиль I	Зарождение искусства	Пер-нон-Пер
Де-фигуративное	Стиль 0	Нефигуративное	Абри Селье

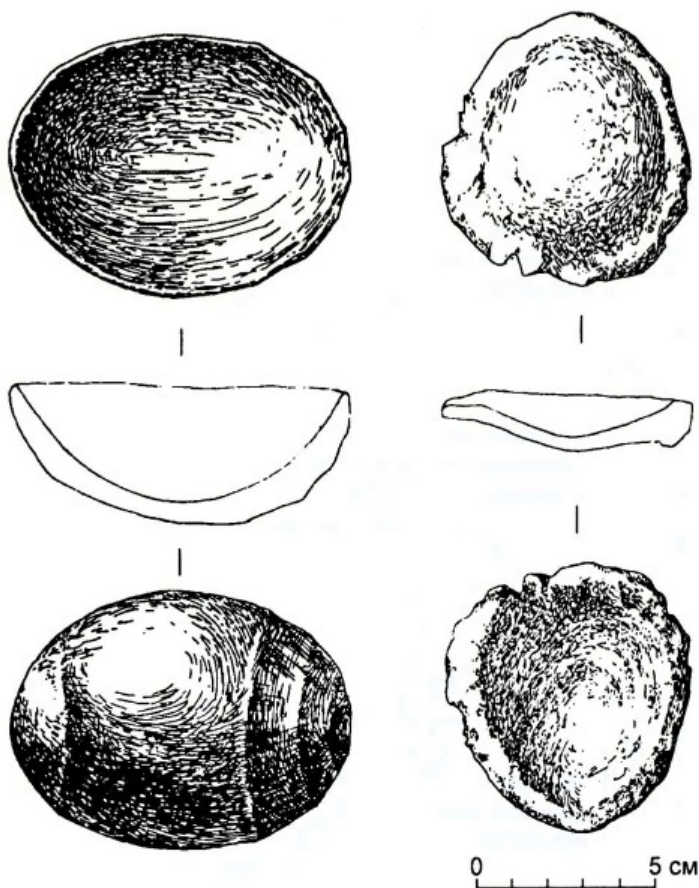

Рис. 15. Пещера Шулганташ. Каменный и глиняный светильники.

Как и во франко-кантабрийской зоне рисунки сосредоточены в глубине пещерных разветвлений на расстоянии 170 и 300 метров от входа. Также, как и во Франции, обнаружены переносные светильники, один из камня, а другой из плохо обожженной глины — замечательный образец, характеризующий технологические поиски задолго до внедрения керамики в массовое производство. Всего учтено около 50 изображений, выполненных красноватой охрой и сосредоточенных в двух “залах”. Решительно преобладают изображения мамонта, иногда встречается лошадь, один раз носорог и, возможно, бизон. Много и условных знаков. Сами рисунки расположены группами, что тщательно проанализировано А. К. Филипповым (рис. 16). Раскопками установлено, что в “ближнем” зале, представляющем собой обширную и просторную пещеру, наличествуют следы жизнедеятельности, остатки костров, самый крупный из которых оставил зольное пятно диаметром в один метр. Примечательно, что в культурном слое, в ситуации, не вызывающей сомнений в стратиграфическом положении и, следова-

тельно, в хронологической привязке, найдена плита, упавшая со стены и сохранившая часть рисунка фигуры животного, видимо, мамонта.

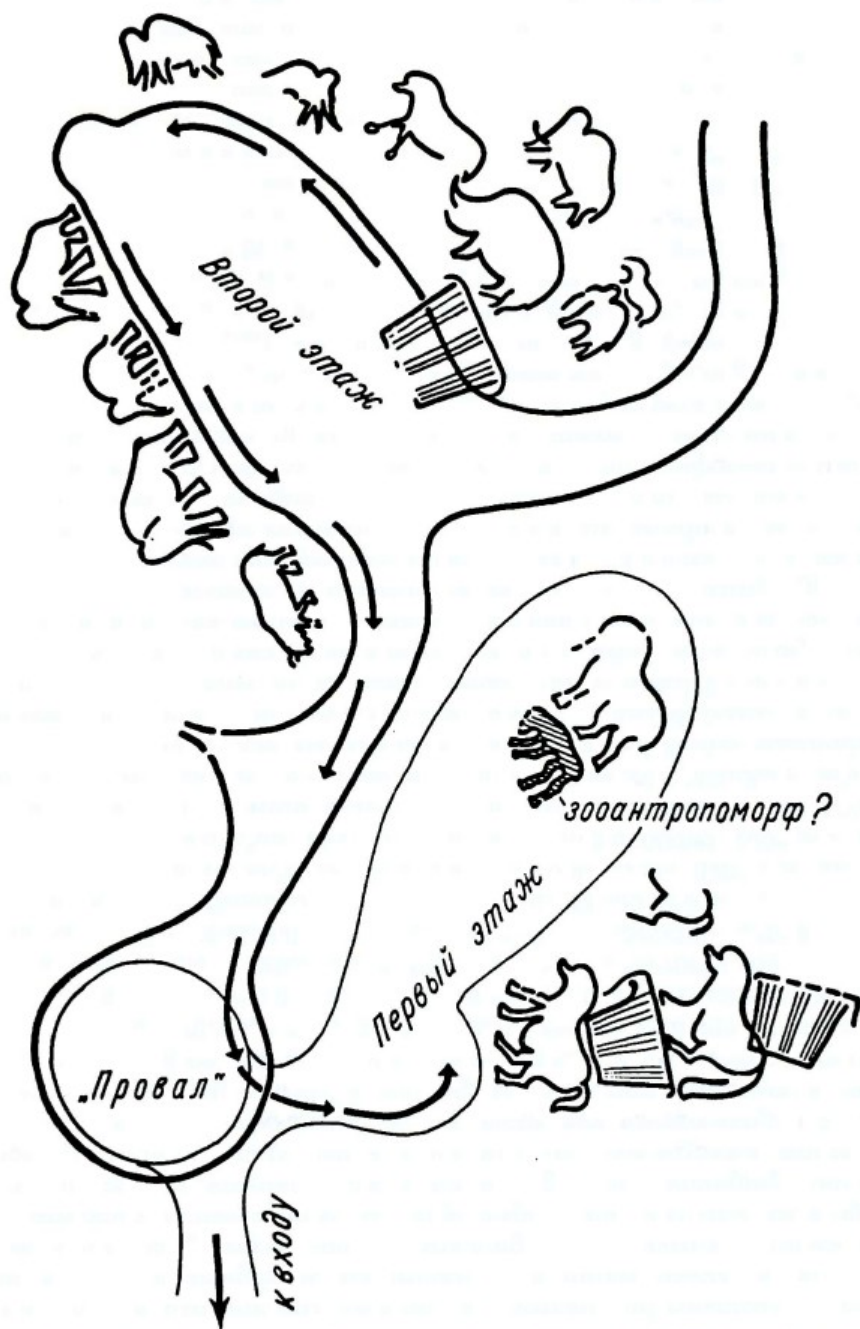

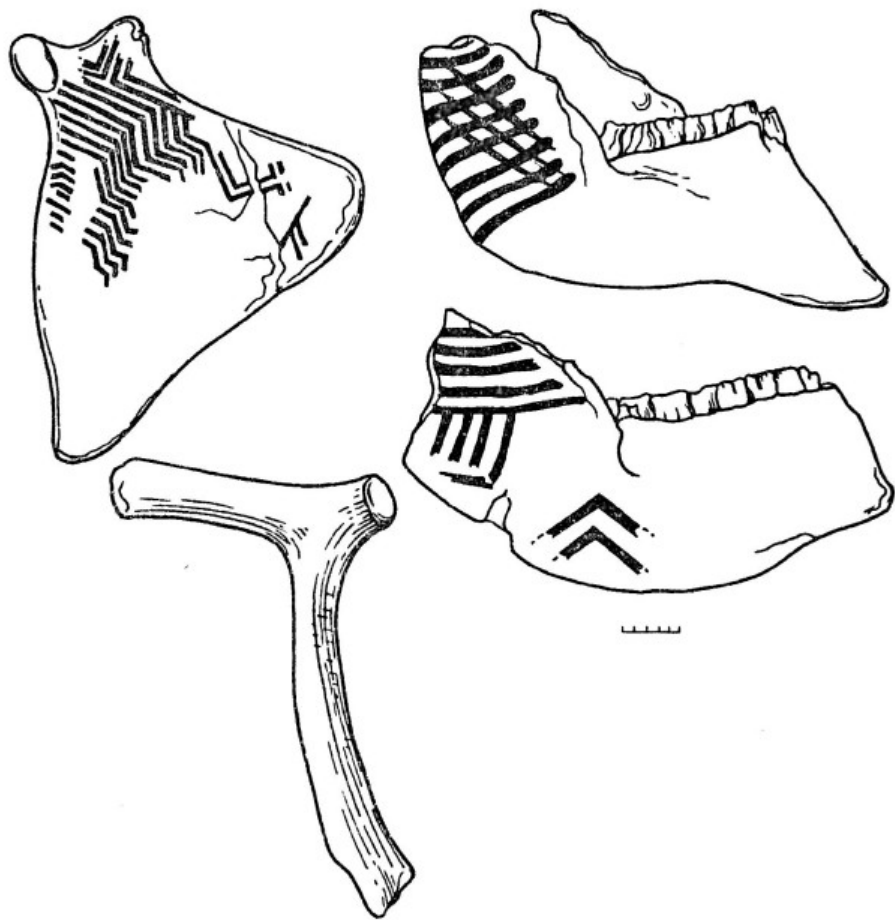
Рис. 16. Схема расположения изображений в пещере Шульганташ. Составитель А. К. Филиппов.

Найдены и куски охры, сточенные от употребления. Все это не оставляет сомнений в датировке рисунков, что ранее столь активно дискутировалось в литературе о пещерной живописи. Среди сравнительно редких орудий, найденных в культурном слое, в основном изделия сильно изношенные, явно принесенные уже в готовом виде. Имеются мелкие кремневые осколки и чешуйки, но нет следов деятельности по изготовлению орудий. Костные остатки животных и рыб, возможно, свидетельствуют о происходивших трапезах, но даже “ближний” зал был, скорее всего, местом посещения, а не долговременного обитания. Радиоуглеродный анализ дал две близкие даты — 14680 ± 150 и 13930 ± 300 лет до наших дней. Это время позднего мадлена во Франции, когда, кстати сказать, отмечается максимальное распространение или воздействие этой культуры на территорию Европы, достигающей южной Польши и Словакии.

В принципе ту же информацию дают и результаты исследования другой пещеры — Игнатевской (Петрин, 1992; Абрамова, 1995). Здесь также выделяют два “зала”. Второй — дальний, более труднодоступен. Рисунки выполнены красной и черной краской и сюжетно близки росписи Шулганташа. Представлены те же животные — мамонт и дикая лошадь, но имеются помимо знаков также и антропоморфные фигуры — женская и мужская. Пристрастие к воспроизведению мамонтов, традиционной охотничьей добыче на равнинах Восточной Европы, является примечательной чертой уральских пещер, которые З. А. Абрамова предлагает выделить как самостоятельный уральский центр (Абрамова, 1995, с. 220). Вместе с тем, тот же исследователь отмечает идентичность такой сложной фигуры как специфические знаки с франко-кантабрийскими изображениями. Возможно, определенная религиозная символика была общей для столь отдаленных регионов, где промысловая магия была традиционно ориентирована на местную фауну и, прежде всего, на мамонта, чьи изображения достаточно многочисленны уже в тех же Костенках. Не исключено, что существовали пещерные убежища, связанные с иными обрядами и культурами. Так, в пещере Фестивальная, исследуемой башкирским археологом С. Котовым, обнаружены медвежьи черепа, расположенные в определенном порядке.

На большей части восточноевропейских просторов, успешно осваивавшихся верхнепалеолитическими общинами, отсутствовали природные условия, способствующие устройству таких сокровенных центров интеллектуальной деятельности. Тем примечательнее для характеристики общего уровня развития бесспорные свидетельства использования в этих целях искусственных сооружений. В этом отношении весьма интересно одно из жилищ Мезина, отличавшееся богатыми находками и, прежде всего, многочисленными рисунками красной охрой на мамонтовых костях. С. Н. Бибикову удалось показать, что ряд из этих предметов использовался как музыкальные инструменты, хотя, конечно, говорить о целом оркестре или палеолитической партитуре по меньшей мере преждевременно (Бибиков, 1981). В принципе все мезинское поселение дало достаточно богатые находки, но особые объекты были сконцентрированы в одном месте в жилище, которое С. Н. Бибиков условно назвал “праздничным домом”. Крупные части скелета мамонта — тазовые кости, лобные доли, нижние челюсти — были украшены рисунками, сделанными красной охрой. Имелись здесь и костяные колотушка и молоток (рис. 17). Тщательный анализ показал, что на массивных костях имеются следы многочисленных ударов. Трасологическое изу-

чение этих объектов под микроскопом, проведенное Г. Ф. Коробковой, показало, что на изделиях из костей мамонта сохранились многочисленные следы от легких, пружинистых, целенаправленных ударов, нанесенных легким предметом с небольшой рабочей поверхностью. Такой предмет также имеется в наборе. Это молоток, сделанный из рога оленя. Трасологическое исследование показало, что в поры губчатой массы молотка красноватая охра попала с локализованных орнаментированных участков, рисунок которых был частично сбит таким ударным орудием (Бибиков, 1981, с. 76). Все это не оставляет сомнений, что перед нами части ударного инструмента. Видимо, это жилище было своеобразным центром, где под удары инструмента типа тамтама выполнялись обрядовые действия, совершаемые обитавшим здесь лицом или лицами, независимо от того как их называть — колдунами, шаманами или жрецами.

*Рис. 17. Ударные музыкальные инструменты из Мезина.
Челюсти и лопатка мамонта, молоток из рога оленя.*

Охотничья стратегия в степной зоне не стимулировала создание таких стабильных поселений. Но и там свидетельства особой прагматической деятельности достаточно очевидны. Так, на огромном костыше Анетовка II, где сосредоточены остатки многих десятков бизонов, имелись и своеобразные культовые места, действия на которых, видимо, входили интеграционной частью в сам процесс разделки туш добытых животных. Здесь был обнаружен круг, образованный челюстями бизонов, окрашенными охрой. Кроме того, на разных участках группировались черепа бизонов, также окрашенные в красный цвет (Станко, 1987; Григорьева, 1987). Безусловно, это те же элементы трудно реконструируемого в деталях промыслового культа, что и красочные панно с мамонтами и лошадьми в пещерных «святилищах». Таким образом, не оставляет сомнений то обстоятельство, что помимо утилитарных потребностей, связанных с прагматической адаптацией, в верхнем палеолитическом обществе большую роль играли различные эстетические и духовные императивы. Обряды и верования разными исследователями реконструируются в различных аспектах. Здесь могло быть сочетание и элементов зарождающегося тотемизма, и магия промысловых культов, и культов плодородия всего органического мира, удачно символизируемых фигурками пышнотелых матрон. Но совершенно ясно, что на интеллектуальную сферу, духовное производство была устремлена значительная часть деятельности и поведенческих ориентиров. Это был подлинный скачок в интеллектуальной сфере, в которой берут свои истоки и скульптура, и живопись, и религиозные воззрения, и выделение особых центров, со временем развившихся в специальные святилища и величественные храмы. Это было одно из важнейших достижений верхнепалеолитического общества приледниковой Европы.

При рассмотрении исторических процессов, происходивших в эпоху верхнего палеолита, с моей точки зрения, особое внимание следует удалить проблеме выделения лидера, причем не просто вожака охотничьей стаи, а персонажа различных функций, присущих именно человеческому обществу. Лидеры или вожаки охотничьих групп, безусловно, существовали и в предшествующую эпоху. Могли формироваться и некоторые внешние признаки, в том числе в материальное культуре или в обрядовой практике, подчеркивающие особое положение этих лиц. Как известно, уже в мустьерское время зарождается традиция погребального обряда. При этом в могилу в качестве своего рода заупокойных даров помещаются части туши животных, не имеющих утилитарного значения — рога, клыки или части челюсти с зубами. Среди десяти мустьерских погребений в пещере Мугарет эс-Схул в Палестине выделяется захоронение пожилого мужчины, с которым была помещена в могилу челюсть кабана (Garrod, Bate, 1937, pp. 222–223). Возможно, это был старейшина локальной группы, использовавшей пещеру в качестве базового лагеря.

Ранние формы управления реконструируются почти исключительно на основании этнографических материалов, характеризующих племена архаических охотников и собирателей. Здесь часто отсутствовал институт формального лидерства, как особого социального статуса. У архаических охотников и собирателей во главе локальной группы или общины часто стоял старший из трудоспособных мужчин. В его функции входило решение вопросов о времени начала охоты, о выборе места для стойбища и другие вопросы, тесно связанные, в первую очередь, с организационно-хозяйственными действиями. Недаром у эски-

мосов такой лидер назывался “тот, кто думает”. Жена его нередко контролировала распределение пищи. Естественно, что степень его влияния была глубоко индивидуальной. Весьма рано стала играть заметное значение и функция идеологического лидерства, руководство обрядовой жизнью. Часто лидерами общин прямо становились шаманы. И личным качествам лидера в разных ситуациях предъявлялись различные требования. Соперничество при выдвижении претендентов нередко решалось во время престижно-социальных трапез. В некоторых случаях от претендентов на лидерство требовались, в первую очередь, ораторские способности. Иногда в связи с большой ролью изобразительного искусства в системе ритуалов руководство этой формой обрядовой деятельности возлагалось на одаренных художников и скульпторов. С развитием культа предков, поддержание которого становилось общим делом, роль идеологических функций в деятельности лидера возрастает. Намечается известная иерархия власти, когда вождь или колдун стоял во главе всей общины, а домохозяйствами, входившими в ее состав, руководили старейшины. В обществах улучшенного благосостояния формировались и различные привилегии лидеров.

С усложнением видов деятельности происходит и усложнение функций руководителя. Объем необходимых знаний и опыта требовали их целенаправленной передачи, что повышало роль самого лидера в подборе преемника. Привилегии лидера в материальной сфере подкреплялись престижно-знаковой символикой. Появление в качестве лидеров властных личностей расширяло возможности их воздействия на рядовых общинников, хотя это и была, в первую очередь, власть авторитета, а не принуждения.

Сложная и многообразная деятельность, характерная для верхнепалеолитического общества, создавала все предпосылки для становления и закрепления статуса лидера. Как справедливо отмечают исследователи, изменения символически организованного поведения в этом обществе вели к изменению статуса и роли взаимодействия всех составляющих — индивидуумов, группы и общества в целом (Champion and all., 1984, p. 87). Расширялся спектр организационно-хозяйственных функций лидерства, охватывающий различные виды деятельности от организации облавных охот до выбора места стойбища. Об умении использовать эти функции древними предводителями свидетельствуют результаты загонных охот по всей ойкумене — от южнорусских степей до угодий палеоиндейцев. В условиях возросшей демографической плотности и передвижения общин, организующая роль лидера стала еще более значимой при распределении охотничьих угодий и во взаимоотношениях с соседями. При этом сам механизм взаимодействия, естественно, мог приобретать культово-ритуальные формы. Некоторые исследователи полагают, что пещеры с живописью на севере Испании были своеобразными центрами ритуально-организационных актов, помогающих регулировать охотничью деятельность в богатейших угодьях. При этом имеется в виду использование социального механизма, усиленного искусством с его коммуникативным потенциалом, для сбалансирования богатых ресурсов и многочисленного населения (Jochim, 1983). Естественно, подобные организационно-ритуальные функции выдвигали на первый план их организаторов и руководителей. Как уже отмечалось, великолепные пещерные комплексы франко-кантабрийской зоны несут отчетливые признаки ритуальных центров. Пещерное искусство, заточенное в труднодоступных укрытиях, было ареной, где развер-

тывались ритуальные действия, связанные со сложными мировоззренческими системами. Оно выполняло функцию идеологической интеграции для дисперсно разбросанного населения. Видимо, судя по отпечаткам ног подростков, совершались и обряды инициации, столь важные для архаических обществ. Известно, что у охотничьих племен мальчики 5–7 лет начинали свою трудовую деятельность добычей мелких птиц. Неудивительно, что в знаменитых погребениях в Сунгире обнаружены копья, сделанные из мамонтовых бивней, при подростке 12–13 лет и при девочке 6–7 лет. Формализованный переход от одной возрастной группы к другой был важнейшим событием в жизни древнего человека,

Имеющиеся материалы косвенным образом указывают на результативную деятельность лидеров верхнепалеолитической эпохи. Организация действий, сохранение традиции обрядов и ритуалов, наконец, само воспроизведение определенных образов в живописи и скульптуре, едва ли осуществлялось без организованного и направляющего руководства. Вполне возможно, что в таких случаях таланты скульптора и художника играли немаловажную роль при выборе руководителя. И кто знает, не является ли знаменитая фигура “шамана” из пещеры Трех Братьев только авторской работой или подлинным автопортретом (рис. 18).

Судя по имеющимся данным, верхнепалеолитическое общество Восточной Европы не отличалось социальное монотонностью. По крупницам выцеживая соответствующую информацию О. Соффер справедливо говорит о его иерархизации (Soffer, 1985, p. 467). Вершину иерархии образовывали первобытные лидеры, выполнявшие производственные, организационные и идеологические функции, хотя скорее всего в разном сочетании в обществах с различной природной и социальной ситуацией. Скорее всего в пору верхнего палеолита начинают утверждаться привилегии и особое положение статуса лидера, закрепляемое вещественными проявлениями в материальной культуре и престижно-знаковой символикой. Совершенно явно, что сам термин “жезлы вождей”, применявшийся к одной группе художественных костяных изделий верхнего палеолита Франции, весьма условен. Есть такие изделия и на памятниках Восточной Европы. Трасологический анализ подтверждает их использование в качестве копьеметалок (Семенов, 1969, с. 108). Но вполне вероятно принадлежность особо художественных изделий лицам особого социального статуса.

Показательно и богатое одяние погребения в Сунгире, где захоронен пожилой мужчина 55–65 лет (Бадер, 1967). Этот человек, весьма почтенного для верхнего палеолита возраста, был погребен в богато расшитой одежде, головном уборе и обуви (рис. 18). Лишь на руках было около 20 браслетов, составленных из пластинок, выструганных из бивня мамонта. По расчетам С. А. Семенова, только на изготовление бус, нашитых на одежду, было затрачено около 2600 рабочих часов. По богатству это был подлинный “биг-мен” — большой человек сунгирьской общины. Сам ритуал погребения был, судя по всему, достаточно сложным. У поверхности могилы на густом пятне красной охры, вписанной в очертания могильной ямы, находились крупный камень и плохо сохранившийся женский череп. Можно считать, что зарождение и эволюция функции лидера, приобретающего черты организатора и координатора, было одним из важнейших завоеваний верхнепалеолитического общества и фактором, способствующим его выживанию и прогрессу.

Рис. 18. Изображение в пещере Три Брата (Труа Фрер) и погребение мужчины в Сунгире.

5. КОНЕЦ ГЛАВЫ

Таяние, а затем отступление ледника и последовавшая кардинальная смена экологической ситуации в Европе, были одни из крупнейших экологических стрессов в истории человечества. В IX тыс. до н. э. наступила кульминация природных изменений и окончательная перестройка всей культурной системы. Прошел пик верхнепалеолитического подъема, начиналась новая глава в истории деятельности общин приледниковой зоны, да и более южных областей. С точки зрения макроизменений в культурогенезе позднего каменного века, нужно отметить два обстоятельства.

Первое — это бесспорный прогрессивный скачок, совершенный верхнепалеолитическими обитателями северной Евразии. Прогресс этот наблюдается и в бытовой сфере, и в определенном технологическом совершенствовании всего производства, когда намечался уже выход на освоение принципиально новых материалов и, в частности, обожженной глины (Vandiver and all., 1989; Праслов, 1992). Разумеется, приземистые сыроватые полужемлянки, прикрытые шкурами животных и освещаемые дымищимися очагами и коптящими светильниками, изготовленными из эпифизов крупных травоядных, были далеки от совершенного комфорта. Но по сравнению с пещерным бытием, хотя и усовершенствованным сооружением под их сводами разного рода шалашей, это был бесспорный прогресс. Личные украшения, хотя и имевшие, скорее всего, двойную семантику, также были скачком в эстетике быта. Огромное значение имело всестороннее развитие в интеллектуальной сфере, о многих сторонах которого мы можем только догадываться. Известный биолог Э. Майер предлагал связать стремительную биологическую эволюцию человека, особенно впечатляющую по росту такого довольно сложного органа как мозг, с преимущественным правом физической и интеллектуально могучего лидера на воспроизведение потомства (Майер, 1973). С его точки зрения, введение на грани мустье и верхнего палеолита каких-то ограничений на сей счет, в значительной мере вывело за рамки биологического прогресса этот важнейший фактор. Как уже отмечалось, вопрос о брачных связях в пору верхнего палеолита едва ли может выйти за пределы самых общих догадок. Но даже, если происходило что-либо близкое построениям Э. Майера, то даже сложившийся биологический потенциал неандертальца полностью обеспечивал дальнейшее развитие во всех сферах подлинно человеческой деятельности. Не приходится сомневаться в том, что верхний палеолит, во всяком случае северной Евразии, это выразительный пример всестороннего прогрессивного развития культуры и общества.

Второй аспект связан с проблемой ритмов культурогенеза. С позиций формационного эволюционизма в пору мезолита, сменившего верхнепалеолитические комплексы, была достигнута “новая ступень культурного развития” (Очерки..., 1956, с. 47). В качестве особо яркой черты производственной новации в трудах общего характера стремились видеть изобретение лука и стрел. Новые данные ясно показывают, что речь, скорее всего, может идти о более широком распространении и совершенствовании этого эффективного охотничьего оружия. Находки костей животных с вонзившимися в них кремневыми наконеч-

чиками известны на целом ряде верхнепалеолитических памятников, не говоря уже о результатах целенаправленного типологического и трасологического анализа, выявившего целые серии таких наконечников в различных комплексах. В большинстве же других сфер жизнедеятельности налицо угасание высоких традиций. Общины охотников, активно двинувшиеся за отступающим ледником в северные районы, прежде всего были нацелены на выработку адаптационных механизмов, ориентированных на новую ситуацию. Часть приобретенных навыков, лежащих вне сферы прагматического утилитаризма, постепенно терялась. Налицо, во всяком случае на финальных этапах верхнего палеолита и в начале мезолита, определенный культурный регресс. Новые пики культурирования достигаются в дальнейшем уже на иной основе и в иной хозяйственной ситуации. Примером этого может служить культура Маглемозе, представляющая одну из трех ведущих традиций европейского мезолита. Здесь охота на лесных копытных и водоплавающую дичь органически сочетается, хотя и в конкретном проявлении варьируется по районам с охотой на морских животных например, тюленей. Генетическое развитие этого комплекса представляет собой культура Конгемозе (6800–3400 гг. до н. э.), где важным культурным достижением можно считать использование янтаря для различных украшений и фигурок-амулетов. Разумеется, раннемезолитические племена не только были биологическими наследниками верхнепалеолитического населения, но и частично сохраняли ряд традиций интеллектуального потенциала. Могли сохраняться как почитаемые раритеты и отдельные предметы материальной культуры. Показательно, что в нижних слоях мезолитических пещер Кресвел Крагс в центральной Англии найдена костяная пластина с резным изображением лошади, чисто мадленского стиля (Sieveking, 1987, p. 109). Ряд исследователей полагает, что мадленские художественные традиции проявились в стиле крупных изображений животных наскальных рисунков Северной Норвегии (Shumkin, 1990; Hesjedal, 1994). Но в целом определенный перерыв налицо.

Человечество, вышедшее в пору верхнего палеолита на новый виток культурирования, замерло в стагнации и как бы накапливало силы для нового броска, связанного на этот раз с внедрением экономики производства продуктов питания в виде земледелия и скотоводства. Здесь последовали еще более значительные культурные достижения, но это уже другая глава всемирной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова З. А. 1966. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.—Л.
- Абрамова З. А., 1995. Рец.: В. Т. Петрин. Палеолитическое святилище Игнatieвской пещеры на Южном Урале. СА. № 1.
- Аникович М. В. 1996. У истоков российского палеолитоведения // Традиции российской археологии. СПб.
- Анисюткин Н. А. 1973. Раскопки Выхватинского грота в 1971 г. // Археологические исследования в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев.
- Анисюткин Н. А., Борзяк И. А., Кетрару Н. А. 1986. Первобытный человек в гротах Тринка I—III. Кишинев.
- Бадер О. Н., 1965. Каповая пещера. М.
- Бадер О. Н. 1967. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь. СА. №3.
- Бибииков С. Н. 1969. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. СА. № 4.
- Бибииков С. Н. 1981. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Киев.
- Борисковский П. И. 1953. Палеолит Украины. М.—Л.
- Борисковский П. И. 1958. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. СА. № 1.
- Борисковский П. И. 1970. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области // Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.
- Борзяк И. А. 1984. Верхнепалеолитическая стоянка Гординешты I в Попрутье. Кишинев.
- Борзяк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А. 1981. Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев.
- Борзяк И. А., Коваленко С. П. 1991. Исследование второго культурного слоя многослойной стоянки Косоуцы на Среднем Днестре // Археологические исследования в Молдавии в 1985. Кишинев.
- Бромлей Ю. В. 1981. Современные проблемы этнографии. М.
- Будыко М. Н. 1967. О причинах вымирания некоторых животных в конце плейстоцена // Изв. АН СССР, серия геогр. № 2.
- Бутинов Н. А. 1968. Первобытнообщинный строй // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.
- Величко А. А. 1973. Природный процесс в плейстоцене. М.
- Величко А. А. 1989. О геохронологии и геоэкологии заселения Русской равнины в позднем палеолите // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л.
- Гарден Ж. К. 1983. Теоретическая археология. М.
- Генинг В. Ф. 1983. Очерки по истории советской археологии. Киев.
- Герасимов М. М. 1981. Круглое жилище стоянки Мальта. СЭ. № 2.
- Григорьев Г. П. 1972. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.

- Григорьев Г. П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л.
- Григорьева Г. В. 1987. Позднепалеолитические культовые места // Религиозные представления в первобытном обществе. М.
- Гричук В. П. 1969. Растительность Русской равнины в позднем палеолите // Природа и развитие первобытного общества. М.
- Гричук В. П. 1973. Основные этапы истории растительности юго-запада Русской равнины в позднем плейстоцене // Палинология плейстоцена. М.
- Давид А. Н. 1986. Териофауна плейстоцена Молдавии. Кишинев.
- Давид А. Н., Кетрару Н. А. 1970. Фауна млекопитающих палеолита Молдавии // Фауна кайнозоя Молдавии. Кишинев.
- Ефименко П. П. 1934. Дородовое общество. Л.
- Ефименко П. П. 1938. Первобытное общество. Л.
- Ефименко П. П. 1953. Первобытное общество. Киев.
- Замятнин С. Н. 1960. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Труды Института этнографии АН СССР, нов. сер, т. 54.
- Иванова И. К. 1969. Геоморфология и палеогеография Приднестровья в палеолите. // Природа и развитие первобытного общества. М.
- История первобытного общества. 1983. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М.
- История первобытного общества. 1986. Эпоха первобытной родовой общины. М.
- История СССР. 1939. С древнейших времен до образования древнерусского государства. Под ред. М. И. Артамонова. Кн. 1–2. М.–Л. На правах рукописи.
- Кабо В. Р. 1969. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.
- Кетрару Н. А. 1969. Исследования палеолита в Молдавии // Изв. АН МССР, серия биол. и хим. наук. № 2.
- Кетрару Н. А. 1969а. Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты // Охрана природы Молдавии, вып. 8. Кишинев.
- Кетрару Н. А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавии, в. 1. Кишинев.
- Кетросы. 1981. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.
- Клейн Л. С. 1978. Археологические источники. Л.
- Клейн Л. С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.
- Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. 1995. СПб.
- Кузьмина И. Е. 1989. Динамика состава териофауны Восточно-Европейской равнины в позднем плейстоцене // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. М.
- Лебедев Г. С. 1992. История отечественной археологии. СПб.
- Любин В. П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.
- Майер Э. 1973. Человек как биологический тип. Природа. № 12.
- Маретин Ю. В. 1972. Кочевые кубы Восточной Суматры и их место на ступенях эволюции общества // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Маркарян Э. С. 1983. Теория культуры и современная наука. М.
- Марков К. К., Величко А. А. 1967. Четвертичный период. М.

- Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. 1933. О проблемах языка и мышления // Известия Государственной Академии истории материальной культуры, в. 75. Л.
- Марксистско-ленинская теория исторического процесса. 1983. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М.
- Массон В. М. 1973. Рец.: Охотники и собиратели. СА. № 4.
- Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Массон В. М. 1988. Некоторые аспекты социологической интерпретации палеолитических материалов // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.
- Массон В. М. 1989. Природная среда и системы адаптации в первобытную эпоху // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л.
- Массон В. М. 1991. Огонь в эпоху палеолита: многообразие функций. СА. № 1.
- Массон В. М. 1995. На путях к новой инфраструктуре российской археологии // Археологические вести. № 4.
- Массон В. М., Кетрару Н. А. 1981. Изучение хозяйства и народонаселения Днестровско-Прутского междуречья в эпоху палеолита // Изв. АН МССР, серия общ. наук. № 2.
- Мерперт Н. Я. 1995. Введение // Антология советской археологии, т. 1. М.
- Надь Г. 1972. Охотники и собиратели Восточной Африки // Охотники, рыболовы, собиратели. Л.
- Окладников А. П. 1940. Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. СА, т. V.
- Окладников А. П. 1941. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, в. 10.
- Окладников А. П. 1956. Развитие первобытнообщинного строя. Поздний древнекаменный век (верхний палеолит) // Всемирная история, т. 1. М.
- Окладников А. П. 1967. Утро искусства. Л.
- Охотники, собиратели, рыболовы, 1972. Л.
- Палеолит Ближнего и Среднего Востока. 1978. Л.
- Палеолит СССР. 1985. Под ред. П. И. Борисковского. М.
- Петрин В. Т. 1992. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.
- Пидопличко И. Г. 1953. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. Краткие сообщения института археологии АН УССР, в. 2.
- Пидопличко И. Г. 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.
- Пидопличко И. Г. 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.
- Праслов Н. Д. 1989. Отражение культурной адаптации к природной среде в материалах позднего палеолита Русской равнины // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л.
- Праслов Н. Д. 1992. О керамике эпохи верхнего палеолита Северной Евразии // Археологические вести. № 1. СПб.
- Пряхин А. Д. 1986. История советской археологии. Воронеж.
- Преемственность и инновации в развитии древних культур. 1975. Л.
- Равдоникас В. И. 1939. История первобытного общества. Л.
- Рогачев А. Н. 1970. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век. М.

- Рогачев А. Н. 1973. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологические реконструкции и проблемы палеоэтнографии. М.
- Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. 1992. Одесса.
- Семенов С. А. 1952. Костяные землекопные орудия из верхнепалеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари. СА, т. XVI.
- Семенов С. А. 1957. Первобытная техника. М.—Л.
- Семенов С. А. 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.
- Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. 1983. Технология древнейших производств. Л. Социогенез и культурогенез в исторической перспективе. 1991. Л.
- Станко В. Н. 1987. Производственный комплекс утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите // Первобытная археология. Киев.
- Столяр А. Д. 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.
- Технология производства в эпоху палеолита. Л. 1983.
- Токарев С. А. 1981. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // СА. № 2.
- Формозов А. Н., 1969. О фауне палеолитических стоянок Европейской части СССР // Природа и развитие первобытного общества. М.
- Фролов Б. А. 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск.
- Черныш А. П. 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья. М.
- Шовкопляс Н. Г. 1965. Мезинская стоянка. Киев.
- Щелинский В. Е. 1992. Орудия труда архантропов из пещеры Азых (Азербайджан) // Археологические вести. № 1. СПб.
- Щелинский В. Е. 1996. Некоторые итоги и задачи исследования пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа.
- Bandi H. G. 1994. The origin of art // History of Humanity. Vol. I. UNESCO.
- Bordes F. 1961. Typologie du paleolithique ancien et moyen. Bordeaux.
- Bourlière F. 1963. Observation on the ecology of some large African mammals // African Ecology and Human Evolution // Viking Find publications of Anthropology, n. 36. New York.
- Braidwood R. J., Reed Ch. A. 1957. The achievement and early consequences of Food-Production // Gold Spring Harbor Symposia on Quantative Biologia. New York.
- Bridsell I. R. 1963. Some predictions for the Pleistocene bases on equilibrium system among recent hunter-gatherers // Man the Hunter. Chicago.
- Butzer K. V. 1964. Environments and archaeology. Chicago.
- Champion T., Gamble C., Shennon S., Wittle A. 1984. Prehistoric Europe. New-York.
- Cordell L. S. 1984. Prehistory of the Southwest. New-York.
- Desbrosse R., Koslowski J. 1988. Hommes et climats à l'âge du mammoth. Paris.
- Flannery K. V. 1972. Origin of the village as a settlement type in Mesoamerica and the Near East // Man, Settlement and urbanism. London.
- Frison G. C. 1988. Paleo-Indian subsistence and settlement during post-Clovis times // American before Columbus. Pittsburgh.
- Gamble C. 1985. Palaeolithic settlement of Europe. Cambridge..
- Garrod D., Bote D. 1937. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford.
- Galley A. 1986. L'Archéologie demain. Paris.

- Hesjedal A. 1994. Hunters rock art in northern Norway // Norwegian archaeological review. Vol. 27, n. 1.
- Hole F., Flannery K. V. 1967. The Prehistory of Southwestern Iran // Proceedings of Prehistoric Society. XXXIII.
- Howell C. 1951. The place of Neanderthal man in human evolution // American journal of physical anthropology. Vol. 9, n. 4.
- Jochim M. A. 1983. Palaeolithic cave art in ecological perspectives // Hunter-Gatherer Economy in Prehistory. Cambridge.
- Klein R. G. 1969. The Mousterian of European Russia // Proceedings of Prehistoric Society. XXXV.
- Klima B. 1994. The period of Homo Sapiens to the beginning of food production // History of Humanity. Vol. 1. UNESCO.
- Leroi-Gourhan A. 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris.
- Lumley H. 1969. Une cabane acheulienne dans le grotte du Lazaret. Paris.
- Marshack A. 1964. Lunar notation on Upper Paleolithic remains // Science. Vol. 146, n. 3645.
- Masson V. M. 1993. Environment and human adaptation systems in prehistoric times // From Kostenki to Clovis. New York – London.
- Otte M. 1994. Europe during the Upper Palaeolithic and Mesolithic // History of Humanity. Vol. 1. UNESCO.
- Praslov N. D. 1993. Eine neue Frauenstatuette aus Kalkstein von Kostenki 1 // Archaeologisches Korrespondenzblatt. Jg. 23, h. 2.
- Shchelinsky V. 1989. Some results on new investigations at the Kapova cave in the Southern Urals // Proceedings of Prehistoric Society. LV.
- Shumkln V. 1990. Rock Art of Russian Lapland // Fennoscandia archaeologica. VII. Helsinki.
- Sieveking A. 1987. A Catalogue of Paleolithic art in the British Museum. London.
- Soffer O. 1985. Upper Palaeolithic of Central Russian plain. London.
- Subborao D. 1958. Personality of India. Baroda.
- Vandiver P. R., Soffer O., Klima B. 1989. The origin of ceramic technology at Dolni Vestonice, Czechoslovakia // Science. Vol. 246.
- Wheat J. R. 1972. The Olsen-Chobuck Site // Memories of the Society for American Archaeology. 26.
- White L. 1949. The Science of Culture. New York.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры, М.–Л.
СА – Советская археология, М.
СЭ – Советская этнография, М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Палеолитическая эпоха и некоторые вопросы исторической интерпретации.	
1. ФОРМАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ	8
Формационный эволюционизм и развитие советской археологии. Информационный задел советской археологической науки. Процедура исторических реконструкций в археологии. Изучение древних экономических систем. Вопросы культурогенеза.	
2. ПРИРОДНАЯ СРЕДА И СИСТЕМЫ СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ	15
Адаптационные явления и охотничья деятельность. Формы адаптации общества – хозяйственная, бытовая и соционормативная. Бытовая адаптация в верхнепалеолитическую эпоху. Домостроительные традиции северной Евразии. Обработка шкур и изготовление одежды.	
3. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВА И НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА (Опыт оценки общей тенденции по памятникам Пруто-Днестровского междуречья).....	31
Природная среда северного Причерноморья в палеолитическую эпоху. Животный мир и охотничья деятельность. Функциональная оценка типов палеолитических стоянок. Вопросы палеодемографических оценок.	
4. ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	42
Оценки верхнепалеолитического общества Восточной Европы. Шаблон матриархата. Верхнепалеолитические поселения и общественная структура. Интеллектуальный прогресс в верхнепалеолитическую эпоху. Числовые закономерности в палеолитической графике. Пещерные комплексы как центры интеллектуальной деятельности. Проблема лидерства в верхнепалеолитическом обществе.	
5. КОНЕЦ ГЛАВЫ	62
Пик прогрессивного развития в пору верхнего палеолита. Экологический стресс голоцена и ритмы культурогенеза.	
Библиография	64

CONTENTS

INTRODUCTION.....	5
The Palaeolithic Period and some problems of historical interpretation.	
1. FORMATION APPROACH TO THE STUDY OF ANCIENT SOCIETIES AND CONCRETE HISTORICAL PLURALISM.....	8
Formation evolutionism and the development of Soviet archaeology. Information potential of Soviet archaeology. The procedure of historical reconstructions in archaeology. The study of ancient economic systems. Problems of cultural development.	
2. NATURAL ENVIRONMENTS AND SYSTEMS OF SOCIAL AND CULTURAL ADAPTATION.....	15
Forms of adaptation – economic, domestic, socionormative. Adaptational phenomena and hunting activity. Domestic adaptation in the Upper Palaeolithic. House-building traditions of Northern Eurasia. Hide processing and clothes manufacture.	
3. ECONOMIC AND POPULATION DYNAMICS	
(A CASE STUDY OF THE SITES OF THE PRUT-DNIESTER REGION).....	31
The environments of the Northern Black Sea Region in the Palaeolithic Period. Hunting activity. Functional types of Palaeolithic sites. Problems of palaeodemographic reconstructions.	
4. UPPER PALAEOOLITHIC SOCIETY AS A HISTORICAL PHENOMENON.....	42
Views on the Upper Palaeolithic society of Eastern Europe. The cliché of matriarchy. Upper Palaeolithic settlements and social structure. Intellectual progress in the Upper Palaeolithic Period. Numerical regularities in the Palaeolithic drawings. Cave complexes as centres of intellectual activity. The problem of leadership in the Upper Palaeolithic society.	
5. THE END OF THE CHAPTER.....	62
The culmination of progressive development in the Upper Palaeolithic Period. The Holocene ecological stress and the rhythms of cultural development.	
BIBLIOGRAPHY.....	64